

КАЗАНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№1 2018

Казань - 2018

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №1 2018г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – 46.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-59615.

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., проф.;

А.М. Саяпова – д.филол.н., проф.; Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., проф.

Ю.А. Цагарелли – д.псих.н., проф.

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Казанский Издательский Дом, 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ**10.01.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

- Ф.Х. Завгарова, А.Д. Батталова, З.М. Брусско* ОБРЯД СВАТОВСТВА ЗАКАЗАНСКИХ ТАТАР КАК СИНТЕЗ ЯЗЫЧЕСКИХ И ИСЛАМСКИХ ТРАДИЦИИ 5
- Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова* КОРЕЙСКИЙ СВОД «ТОНГУК МУНХЁН БИГО» В КНИЖНЫХ СОБРАНИЯХ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ЭНЦИКЛОПЕДИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 8
- Л.А. Нигматуллина, Л.Н. Коновалова* ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК БАЗОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ВНЕДРЕНИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЧИТАТЕЛЬСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС 12
- И.С. Разина* АЛЛЮЗИЯ КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ РОМАНА Д.У. ДЖОНС «МОЯ ТЕТУШКА – ВЕДЬМА» 15
- О.Г. Шейна* ЛЕЙТМОТИВ «ПОЛЕТ К СОЛНЦУ» КАК СМЫСЛОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА «ПОЛЕТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX В. 18

10.02.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Ф.Х. Завгарова, Г.К. Мансурова* КУЛЬТУРНЫЙ КОД ИМЭН (ДУБ) (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ) 25
- А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова* К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛЕНГИЗМОВ С ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ 29
- Е.Г. Котова, Е.А. Линева, Е.Б. Савельева* СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА 32
- Н.Ш. Кравцова* КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА 35
- Н.А. Ласынова, Х.Б. Нургаллина* СПЕЦИФИКА ОРОНИМОВ АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ 38

АННОТАЦИИ 41

THE RELEASE MAINTENANCE**10.01.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LITERARY CRITICISM**

<i>F.Kh. Zavgarova, A.D. Battalova, Z.M. Brusko</i> MATCHMAKING CEREMONY OF KAZAN ARTY TATARS AS SYNTHESIS OF PAGAN AND ISLAMIC TRADITIONS	5
<i>D.E. Martynov, Yu.A. Martynova</i> KOREAN ENCYCLOPEDIA COLLECTION “DONGOOK MOONHUN BIGO” IN RUSSIAN LIBRARIES AND PROSPECTS OF STUDYING CLASSICAL ENCYCLOPEDIAS OF THE FAR EAST	8
<i>L.A. Nigmatullina, L.N. Konovalova</i> FORMATION OF A COMMUNICATIVE CULTURE AS A BASIC COMPETENCE OF THE MEANS OF IMPLEMENTATION PROJECT ACTIVITIES AND READING CONFERENCES INTO THE EDUCATIONAL PROCESS	12
<i>I.S. Razina</i> ALLUSION AS THE PLOT-DRIVING DEVICE IN DIANA WYNNE JONES’ “BLACK MARIA”	15
<i>O.G. Sheina</i> A RECURRENT THEME ‘FLYING TO THE SUN’ AS A NOTIONAL ASPECT OF A CONCEPT ‘FLYING’ IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURE	18

10.02.00 - PHILOLOGICAL SCIENCES –LINGUISTICS

<i>F.Kh. Zavgarova, G.K. Mansurova</i> CULTURAL CODE IMEN (OAK) (ON MATERIAL OF THE TATAR FOLKLORE TEXTS)	25
<i>A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova</i> SLANGISMS WITH NEGATIVE CONNOTATIONS: ON THE NOTION OF CLASSIFICATION	29
<i>E.G. Kotova, E.A. Lineva, E.B. Saveleva</i> STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF PHRASAL VERBS IN THE ENGLISH LANGUAGE	32
<i>N.Sh. Kravcova</i> COGNITIVE ASPECT OF PUBLICISTIC DISCOURSE	35
<i>N.A. Lasynova, Kh.B. Nurgalina</i> THE PARTICULARITY OF ANTHROPONYMIC ORONYMS	38

ABSTRACTS	41
------------------	----

10.01.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ - ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

10.01.00

Ф.Х. Завгарова к.филол.н., А.Д. Батталова к.филол.н., З.М. Брусько к.филол.н.

Республиканский центр развития традиционной культуры,
Казань, zavgarova@inbox.ru, als7701@yandex.ru, zalesh@list.ru

**ОБРЯД СВАТОВСТВА ЗАКАЗАНСКИХ ТАТАР
КАК СИНТЕЗ ЯЗЫЧЕСКИХ И ИСЛАМСКИХ ТРАДИЦИИ¹**

В данной статье авторы, изучая традицию сватовства у заказанских татар, приходят к следующему выводу: обряд сватовства у заказанских татар, состоит из предписаний и правил, связанных как с языческим мирозрением тюрко – татар и канонами шариата. На протяжении нескольких столетий все это синтезировалось и на сегодняшний день представляется как традиционный обряд, предшествующий бракосочетанию

Ключевые слова: *Обряд, сватовство, татары, молитва, ритуал, правила.*

На протяжении тысячелетий религиозные ценности синтезировались с народной культурой. Татарская традиционная культура не является исключением. Появлению интереса у ученых этнографов, фольклористов, антропологов к явлениям синтеза ислама и традиционной культуры народов подвигнул уход с научной арены конца XX столетия доктрины советской атеистической идеологии. У ученых появилась возможность определить реальное место религий в повседневной жизни народов. В татарской гуманитарной науке одной из первых работ, посвященной данной тематике, можно считать докторскую диссертацию А.Х. Садековой [4]. А.Х.Садекова впервые подвергла научному анализу произведения фольклорного жанра мунаджат, которые своим появлением в татарской народной культуре обязаны исламу. В дальнейшем феномену синтеза ислама с татарской народной культурой посвятили свою коллективную монографию “Мусульманский культ святых у татар: образы и смыслы” ученые разных гуманитарных дисциплин: Р.К.Уразманова (этнограф), Г.Ф.Габдрахманова (социолог), Ф.Х.Завгарова (филолог) [6]. Что касается изучения свадебной обрядности мы в качестве примера можем привести коллективную монографию авторов данной статьи “В круге жизни” З.М.Брусько и Ф.Х.Завгаровой [2], посвященной изучению фольклора семейно – бытовой обрядности татар, в том числе и свадебного обряда. Мы же в данной статье в основном будем говорить о некоторых элементах обряда сватовства, присущей традициям татар заказанья и выявлять их принадлежность к языческим представлениям или же традициям ислама.

У Заказанских татар, как и у многих других этно – территориальных групп сватовство – тип замужества по обоюдному соглашению сторон (ярәшеп) был и остается самым основным и наиболее распространенным типом. Ярәшү – яучы жибәрү, димләү – заключалось в обговаривании условий заключения предстоящего брака [5]. В качестве яучы, димче (сватов) засылали пользующихся уважением, обладающих красноречием, даром внушения людей, обычно стариков или старушек, родственников или знакомых. Разумеется, сваты имели определенную выгоду с той и с другой стороны, получая вознаграждение за свой труд. На сегодняшний день обряд сватовства претерпел существенные изменения и представляет собой приход в дом невесты родителей или близких женщин-родственниц жениха, которые просят руки девушки. По нашему мнению традиция сватовства восходит, скорее всего, к введенному шариатом правилу, по которому жених не должен видеть своей невесты прежде, чем она не станет его женой. Традиционно сватовство представлено посольством со стороны

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках гранта №16-14-16024.

жениха к стороне невесты реальным текстом и действиями сватовства: приговорами, шутками, восхвалениями, разговорами «по существу», поведением сватов по пути к дому и в доме невесты и прочим, что создает этикетно обставленную атмосферу сватовства, придавая ей и некоторую праздничность. Однако, тщательное рассмотрение того или иного элемента сватовства дает возможность увидеть, что каждый из них представляет собой обрядовый текст, наполненный магическим содержанием, дошедшим до нас со времен язычества. Эпизод сватовства выступает тем причинно-следственным звеном в свадебном сюжете, от результата которого зависит дальнейшее развитие событий. Именно магическим приемам, во время сватовства отводится роль «гарантов» благополучного исхода свадебной сделки. Свадьба «для самих участников брака – это, с одной стороны, институт правовой и хозяйственный, обставляемый целым рядом гарантий юридических и имущественных, с другой – институт религиозно-магический, призванный охранять новобрачных от разных колдовских влияний, грозящих им в этот момент жизни, равно как гарантировать им плодovitость и благополучие на всю жизнь» [7]. Соответственно первый шаг на пути к получению официального согласия на брак, то есть сватовство, требовал соблюдения тайны. Сватовство сопровождалось соблюдением определенных правил и предписаний, заключающих в себе магическое значение. В прошлом у заказанских татар, сваты, объявив о цели своего визита, старались сесть под матицу, подложив под себя подушку или хотя бы свою шапку, полагая, что это обеспечит им удачу при сватовстве. Матица, по представлениям заказанских татар, местом обитания демонологических существ, в частности, злых духов.

Определенный смысл вкладывался и в манеру одевания сватов. Сват обычно заворачивал одну штанину выше колена, а сваха, напротив, выпускала ее поверх голенища сапога. Возможно, присутствующая в их одежде дисгармония должна была подчеркнуть необходимость устранения ее по- средством достижения равновесия, указывая тем самым на обязательность поиска пары (и, как результат, создание семьи). В то же самое время, такой способ одевания, возможно, был направлен и на обеспечение удачи в сватовстве. Сватание старались осуществлять в благоприятные для мусульман дни – пятницу или понедельник. Выбор именно этих дней объясняется распространенными среди мусульман представлениями о счастливых и несчастливых днях. Для заказанских татар мусульман пятница до сих пор считается наиболее подходящим для брака днем, так как в этот день Адам женился на Хааве, Юсуф на Зулейхе, Алий на Фатиме (дочери Мухаммеда) [3. 22]. По обычаю прямо называть цель приезда сватов запрещалось и до поры до времени речи велись намеками; они старались выразить свои мысли в иносказательной форме, прибегая при этом к разным уловкам и загадкам. Иносказания, как известно, имеют своей целью скрыть от злых духов и недоброжелателей истинный смысл происходящего. Ярким примером такого иносказания выступают «яучы такмаклады» (такмаки свата), при помощи которых, сват/яучы обычно обращаются к родителям девушки-невесты: У вас товар, у нас купец. Совершенно очевидно, что слова товар и купец, подразумевающие невесту и сторону жениха, используется в обращении свата совершенно неслучайно. Данное выражение, на наш взгляд, отражает бытование у татар Заказанья обычая внесения выкупа за невесту. Войдя в дом невесты, яучы сначала заводит речь о посторонних предметах, о, якобы, потерянной вещи, скотине, о состоянии погоды, о видах на урожай, стараясь этим ввести в заблуждение демонов, «поджидающих» удобного момента для того, чтобы испортить дело. Обращение к иносказанию, аллегории, таким образом, становится попыткой воздействовать на ход событий, «запрограммировать» положительный результат намеченного. Желанием позитивно повлиять на сватовство, способствовать удачному его исходу, наполнены и действия жениха в этот период. Как стало известно из наших наблюдений, в Балтасинском районе существует традиция, по которой жених до начала сватовства посещает могилы своих близких умерших с тем, чтобы обратиться к ним с просьбой помочь и поддержать в своем деле. Этот весьма редкий, имеющий определенно локальный характер обычай, несомненно, уходит своими корнями к культу предков тюрко-татар, который выражался в

почитании арвахов – духов предков. Обращаясь к умершим, молодой человек просит их благословения на такое важное и ответственное дело, как женитьба, создание семьи. Совершенно ясно, что, заручившись поддержкой не только живых, но и мертвых своих сородичей, он будет чувствовать себя намного уверенней в достижении своих целей. В силу столь тщательного описания личности и поведения яучы, интерес вызывает значение самого этого слова, происхождение которого, на наш взгляд, стоит рассматривать в одном ряду со словами яу – вражеское ополчение, яучы – нападающий, захватчик. Находящемуся изначально в одном синонимическом ряду с такими словами, яучы предстояло «напасть», а далее и «захватить» род невесты, т.е., добиться положительного результата в сватовстве, что ему, без сомнения, и удавалось. В обряде сватовства каждое магическое действие, сочетаемое с соблюдением примет или активным вмешательством с помощью заговора, иносказательности или оберега как бы подчеркивает драматическую напряженность эпизода, рельефно выделяя предметный мир вещей, символизирующих либо успех, либо неудачу в предпринимаемом сватовстве.

Таким образом, обряд сватовства татар заказанья в рамках своих структурных элементов представляет собой сплав языческих и исламских мировоззренческих представлений, выраженных в необходимости сговора родителей девушки с родителями потенциального жениха о ее предстоящем браке без ее участия; магических действиях яучы (свата), направленных на удачный исход сговора; в регламентации по мусульманским канонам удачных для совершения обряда дней.

Список литературы

1. Брусько З.М. В круге жизни / З.М.Брусько, Ф.Х.Завгарова. – Казань: Ихлас, 2013. – 224 с. (с илл.).
2. Катанов Н.Ф. Из области народных примет, верований и преданий татар-мусульман / Н.Ф.Катанов // Деятель, 1898. - № 1. С. 21-22.
3. Садекова А.Х. Идеология ислама и татарское народное творчество /А.Х.Садекова. - Казань, 2001.- 262с
4. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Н.И. Воробьева, Г.М.Хисамутдинова. - М.: Наука, 1967. - 538 с.
5. Уразманова Р.К. Мусульманский культ святых у татар: образы и смыслы / Р.К.Уразманова, Г.Ф.Габдрахманова, Ф.Х.Завгарова, А.Р. Мухаметзянова. / Под ред. Р. К. Уразмановой, Г. Ф. Габдрахмановой. Казань: Изд- во “Яз”, 2014.- 168 с. +32с.цв.вкл.
6. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии / Л. Я. Штернберг. - Л.: Изд- во Ин-та народов севера ЦИК СССР им. П.Г. Смиловича, 1936. 572 с.

10.01.00

¹Д.Е. Мартынов, ²Ю.А. Мартынова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
¹Институт международных отношений, истории и востоковедения,
кафедра алтаистики и китаеведения, НОЦ «Центр исследований Кореи «Корееведение»»,
²Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого,
кафедра татаристики и культуроведения,
Казань, dmartynov@yandex.ru, juliemartynova@gmail.com

КОРЕЙСКИЙ СВОД «ТОНГУК МУНХЁН БИГО» В КНИЖНЫХ СОБРАНИЯХ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ЭНЦИКЛОПЕДИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА¹

В статье охарактеризован уникальный памятник корейской литературы – энциклопедия “Dongook Moonhun Bigo”, впервые опубликованная в 1770 году. В библиотеках России хранятся два комплекта этой энциклопедии, которые были описаны, но не включались в научный оборот. Корейская энциклопедия была построена по китайскому образцу, то есть представляла собой тематически и хронологически упорядоченную коллекцию текстов из разных документальных и литературных источников. Составлена она была на литературном китайском языке ханмун, но описывала корейские реалии. Оцифровка этого и подобных памятников открывает новые перспективы изучения всех сторон жизни старой корейской культуры, в том числе и литературы.

Ключевые слова: *корейская литература, история культуры, энциклопедии, Хон Пон Хан, Ма Дуань-линь, Вэньсянь тункао, Тонгук мунхён биго.*

В 1392–1910 гг. в Корею правила династия Ли, которая присвоила стране историческое имя «Чосон». Развитие корейской культуры в XVIII в. проходило в условиях стабилизации центральной власти в правление двух королей – Ёнджо (1724–1776) и Чонджо (1776–1800) [5, с. 348]. Несмотря на сознательную политику самоизоляции Кореи и ориентации на консервативные китайские образцы, XVIII век может быть охарактеризован и на Дальнем Востоке как «век просвещения». Правящие монархи в попытке справиться с придворной борьбой практиковали нерегулярные государственные экзамены в провинции (*тогва*), чтобы «разбавить» столичную среду талантами, не имеющими клановых связей. Король Чонджо позиционировал себя как образцового конфуцианского лидера, стоящего над схоластическими «партиями», господствовавшими в корейском обществе предыдущие два века. Была восстановлена придворная академия в виде государственной библиотеки *Кюджангак*. Несмотря на название, это было образовательное учреждение высшего типа, в котором чиновники центральных ведомств в возрасте до 37 лет могли получить высшую квалификацию уже после сдачи государственных экзаменов [5, с. 349]. На этом фоне резко возросли национальные тенденции в литературе, которая, впрочем, продолжала существовать на китайском языке (*ханмун*). Когда в центральных и южных провинциях Кореи возник фольклорный жанр *пхансори* (сказание повестей под аккомпанемент барабана), ему был придан литературный статус, поскольку сказания стали записываться на официальном китайском языке [2, с. 268–269].

Поскольку в традиционной системе жанров и предпочтений, унаследованных от конфуцианской китайской культуры, повествовательная проза относилась к низшему жанру, считалась «недостойной» образованного человека и не включалась в официально издаваемые

¹ Данная работа осуществлялась при поддержке Программы по поддержке молодых специалистов в области корееведения через Министерство образования Республики Корея и Службы содействия развитию корееведения Академии корееведения (AKS-2016-INC-2230003).

антологии, национальный дух в придворной культуре мог выражаться через составление энциклопедических сводов. Энциклопедия *Тонгук мунхён биго* («Упорядоченные сведения о Восточном государстве [т. е. Корея]») была составлена под началом Ким Чи Ина (1716–1790) и дополнена И Ман Ыном (сконч. 1797); включает 100 свитков-квонов (кит. *цзюань*). В библиотеке Асами, принадлежащей Калифорнийскому университету (Беркли), хранятся два экземпляра этого свода. Первое издание было напечатано подвижным шрифтом в королевской печатне тиражом в 100 комплектов, однако королевское предисловие и некоторые комментарии к включённым в энциклопедию рубрикам, были воспроизведены каллиграфом и впечатаны в текст с ксилографических матриц, позволяющих воспроизводить рукописный текст. Калифорнийский экземпляр издания 1770 г. в 100 квонах (из которых сохранилось 83) было оцифровано и доступно в «Архиве интернета» [9].

За основу рубрикации и расположения материала был взят знаменитый китайский свод Ма Дуань-линя (1245–1325) *Вэньсянь тункао* (1317, первое издание 1336), в соответствии с которым структура была разбита на 13 разделов, делящихся, в свою очередь, на рубрики. Таким образом, энциклопедия не имела собственного текста, будучи каталогизированным собранием отрывков тех или иных литературных и научных трудов, расположенных в соответствии с темой рубрик в хронологическом порядке. Материал делился на три генеральных части: Небо – Земля – Человек, к которым были привязаны рубрики. Порядок рубрик таков: астрономия, география, церемонии, музыка, военное дело, законодательство, поземельные подати, прочие подати, перепись населения, торговля, государственные экзамены на должности, школы, организация управления [7, р. 95].

В том же собрании Асами хранится рукописный экземпляр второго издания энциклопедии, датированный 1782 г. Второе издание было предпринято по повелению короля Чонджо; главным редактором вновь выступил И Ман Ын. Объём энциклопедии увеличился более чем вдвое, составив 235 квонах (вместе с оглавлением – 246). К 13 первоначальным рубрикам энциклопедии было добавлено ещё семь: небесные знамения, дворцы, королевская династия, генеалогия дворянства, библиография, посмертные титулы и внешние сношения. Дополнения отмечались особыми пометами в титулах: «было» и «добавлено». Королю данное издание было представлено только в 1796 г., издание было санкционировано, но затянулось до 1809 г. Печатное издание включало 235 квонах в 102 томах. Тем не менее, некоторые чиновники высокого ранга и знать предпочитали заказывать рукописные копии; в библиотеке Асами, по-видимому, хранится именно такая копия [7, р. 95–96]. В результате, именно рукописные копии представлены в крупнейших библиотечных центрах мира, в частности, в Британской библиотеке [8, р. 5].

В российских собраниях хранятся несколько экземпляров корейской энциклопедии и её китайского прототипа. Всего в России имеется четыре крупных коллекции корейских рукописных и старопечатных книг, собранных дипломатами на рубеже XIX – XX вв. Большая коллекция, собранная английским консулом У. Дж. Астоном, досталась Рукописному отделу Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН, до 2007 г. – Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН). Самое большое собрание из собранных российскими дипломатами, было составлено П.А. Дмитриевским, поверенным в делах в Корею в 1891 – 1899 гг. Второе – К.И. Вебером, поверенному в делах и генеральному консулу, и, наконец, С.Н. Сыромятниковым, который принимал участие в военной экспедиции на север страны в 1897–1898 гг. [6, с. 100]. Эти фонды оказались разделены: ещё до 1917 г. часть оказалась в Азиатском музее Академии наук (с 1929 г. – Институт востоковедения), часть в библиотеке Восточного факультета. Фонды современного ИВР были образцово описаны О.П. Петровой в 1956–1963 гг. [3], [4]. Университетское собрание корейских книг оказалось включено в фонд китайских рукописей и ксилографов, и лишь в начале 2000-х годов было заново открыто и описано А.Ф. Троцевич и А.А. Гурьевой [6, с. 100–101].

Свод Ма Дуань-линя *Вэньсянь тункао* («Литературная энциклопедия») был хорошо известен в Корею как *Мунхон тхоньго*. Широко распространённое его издание было

выпущено в 1525 г. В фондах ИВР РАН хранится недатированный ксилограф, воспроизводящий, однако, издание наборным шрифтом [4, с. 124]. Для наглядности, приведём структуру эталонной китайской энциклопедии по описанию О.П. Петровой. С китайским оригиналом можно познакомиться по сканированной рукописной копии из образцового «Полного собрания книг по четырём разделам» (*Сыку цюаньшу*, 1773–1782). Всего «Литературная энциклопедия» включала 24 рубрики (в скобках приводятся порядковые номера свитков-*цзюаней*) [4, с. 123]:

1. Оброк с полей (1–7),
2. Деньги (8–9),
3. Население (10–11),
4. Служебные функции и обязанности (12–13),
5. Налогообложение (14–19),
6. Рыночная торговля (20–21),
7. Местные подати (22),
8. Государственные ассигнования (23–27),
9. Экзамены для чиновников (28–39),
10. Школы (40–46),
11. Государственные должности (47–67),
12. Местные культы (68–90),
13. Усыпальницы предков (91–115),
14. Императорский этикет (116–127),
15. Музыка (128–148),
16. Войско (149–162),
17. Наказания (163–173),
18. Канонические книги (библиография, 174–249),
19. Императорская генеалогия (250–259),
20. Система пожалований (260–277),
21. Уранография (278–294),
22. Феномены (295–314),
23. Землеведение (315–323),
24. Сопредельные страны (324–348).

Корейская энциклопедия из фонда ИВР РАН представлена двумя комплектами разной степени сохранности и полноты. В коллекции П.А. Дмитриевского сохранился рукописный список с печатного издания 1770 г., причём отличающийся от оригинала расположением материала. Комплект неполон, и включает 91 квон (из 100), переплетённых в 45 томов. Порядок рубрик:

1. Уранография (описание звёздного неба, небесных явлений, времяисчисления и проч., *квоны* 1–2),
2. Феномены (мир человека, растительный и животный мир, 3–4),
3. Землеведение (география, топография, оборона, морские пути, 5–12),
4. Дворцовые постройки (включая историю страны, 13–17),
5. Обряды (19–29),
6. Этикет (включая описание стилистики и литературы, 30–40),
7. Генеалогия (41–42),
8. Музыка (43–50),
9. Оброк с полей (51–53),
10. Государственные доходы и расходы (54–56),
11. Рыночная торговля (57–58),
12. Государственные экзамены (59–66),
13. Просвещение (67–74),
14. Государственные должности (свод всех чинов и рангов, всего правительственного аппарата, 75–91).

В рукописи, таким образом, отсутствуют разделы о войсках, наказания и народонаселении. В печатном оригинале раздел о просвещении именуется «Школы», который в рукописи ИВР составляет лишь одну из секций в соответствующей рубрике [4, с. 121–122]. В коллекции П.А. Дмитриевского сохранился и 29-й том (*квонь* 69–71) наборного издания 1770 г., который показывает, что он не совпадал с рукописной копией. Содержательно – это часть третьей рубрики «Доходы и расходы» (рыбная ловля и добыча соли: 69, деньги: 70 и население: 71), то есть рубрика, отсутствующая в рукописи. В разделе о населении приведены данные переписей населения с древнейших времён до 1753 г., когда в Корее насчитывалось 7 298 732 человека; в этом же разделе приводились данные о числе рабов. Экземпляр этот, судя по печатям, принадлежал некогда королевской библиотеке [4, с. 123].

Экземпляр энциклопедии *Тонгук мунхён биго* был приобретён и К.А. Вебером и сохраняется в библиотеке Восточного факультета СПбГУ. В коллекции Вебера сохранился неполный экземпляр в издании 1770 г. (сброшюрованный в 35 томах) и три книги из издания XIX в. Такое внимание к объёмному и дорогостоящему сочинению совершенно объяснимо тем, что оно содержало множество конкретных сведений о самых разнообразных сторонах корейского государства и культуры; по сути, собрана вся Корея «в миниатюре» [6, с. 102–104].

Корейская литература на древнекитайском языке чрезвычайно плохо изучена в западном и российском корееведении. Тому имеются, несомненно, объективные причины, поскольку от соответствующего специалиста требуется разбираться сразу в нескольких языковых пластах и в соответствующих культурных реалиях. Тем не менее, возможности, которые предоставляются ныне исследователям с оцифровкой огромного массива письменных источников, требуют неоднократного возвращения и к энциклопедическому наследию дальневосточной культуры. Наличие тематически и хронологически сгруппированного свода документальных и литературных источников практически по всем сторонам жизни и деятельности корейского – и шире дальневосточного – общества, позволяет отвечать на ряд важнейших вопросов, в том числе самовосприятия корейцев и китайцев на последнем этапе развития автохтонной цивилизации перед насильственным «открытием» Китая и Кореи для внешнего мира.

Список литературы

1. Вэньсянь тункао сюньтан Сыку цюаньшу ихуэй («Литературная энциклопедия», извлечённая из «Полного собрания книг по четырём разделам», [348 цюаней, 165 томов]) // Chinese Text Project. URL: http://ctext.org/library.pl?if=en&res=881&by_title=文獻通考
2. Курбанов С.О. История Кореи. С древности до начала XXI века. – 2-е изд. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. – 680 с.
3. Петрова О.П. Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. I. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1956. – 98 с.
4. Петрова О.П. Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. II. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 140 с.
5. Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времен до 1904 г. – М.: Наталис, 2011. – 533 с. – (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41).
6. Троцевич А.Ф., Гурьева А.А. Корейские сочинения XVIII–XIX вв. из коллекций российских дипломатов как источник информации о Корее // Корея: новые горизонты. Доклады, пред. на IX научн. конф. корееведов России и стран СНГ. Москва, 29–30 марта 2005 г. – М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2005. – С. 100–104.
7. Fang Zhaoying, Asami Rintarō. The Asami Library: A Descriptive Catalogue. – Berkeley, Los Angeles: Univ. of California Press, 1969. – 424 p.
8. McKillop E. Korean Holdings in the British Library // Journal of East Asian Libraries. – 1988. – No 85. – P. 5 – 7.
9. Tongguk munhon pigo: kwon 1, 6-18, 23-35, 39-51, 56-95, 98-100 (of 100) // The Internet Archive: a 501(c)(3) non-profit digital library of Internet sites and other cultural artifacts in digital form. URL: <https://archive.org/details/tonggukmunhonpig058800rich>

10.01.00

Л.А. Нигматуллина, Л.Н. Коновалова

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
экономический факультет,
кафедра иностранных языков,
Казань, nigmatullinal1971@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК БАЗОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ВНЕДРЕНИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЧИТАТЕЛЬСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

В работе представлены результаты проектной деятельности и читательских конференций, внедренных в учебный процесс. Сочинения, отзывы, рефераты, написанные по итогам читательских конференций, отражают реальное положение формирования коммуникативных компетенций, и открывает возможности творчества будущих специалистов.

Ключевые слова: коммуникативная культура, характеристика личности, специалист, профессиональная подготовка.

На сегодняшний день низкий уровень речевой культуры ведет к снижению общей культуры молодежи и как следствие является препятствием для дальнейшего развития карьеры в любой области. Проблема в большей степени затрагивает такие отрасли как строительство, архитектура, дизайн, так как они являются одними из самых востребованных профессий на международном рынке труда.

В современных условиях важными характеристиками личности и деятельности специалиста являются не только владение информацией, технологиями, но и коммуникативной культурой, обеспечивающей выход за пределы нормативной деятельности, способность создавать и передавать ценности, обуславливать личностное развитие.

В решении проблемы формирования коммуникативной культуры важен не только факт овладения культурно-лингвистическим наследием, но и включение будущего инженера-строителя как субъекта культуры. Необходимость самореализации личности в деятельности, выработки на этой основе индивидуально — творческой системы, постоянного стремления к профессиональному поиску и самосовершенствованию.

Анализ практики свидетельствует, что коммуникативная культура студента, будущего инженера-строителя в основном формируется стихийно, самопроизвольно, словно является сопутствующей, второстепенной задачей его профессиональной подготовки.

Особую сложность проблема формирования коммуникативной культуры будущих специалистов представляет в условиях двуязычия в национальных регионах, таких, как Республика Татарстан, где профессиональная подготовка должна включать не только конкретные умения и навыки речевого поведения, но и отвечать особенностям современного стиля двуязычного общения. [3,65]

Работа по подготовке студентов предполагает проведение и публикацию творческих работ на двух языках. Также этот подход учитывается при подготовке и проведении ежегодных читательских конференций, куда приглашаются известные писатели, поэты, журналисты, общественные деятели Республики Татарстан.

Согласно тематике конференций в разные годы в стенах университета побывали: Альбина Абсалямова, редактор журнала «Идель», поэт, Алена Каримова, поэт, Зубаржат Арсланова, пианистка, поэт, Салават Юзеев, режиссер, Максим Некрасов, молодой поэт, Галина Зайнуллина, прозаик и др. Встречи студентов с мастерами слова благоприятно отражаются

не только на всестороннем развитии молодежи, но и закладывают базовые общечеловеческие ценности и конечно способствуют формированию коммуникативной культуры.

На первом этапе определяется тема будущей конференции, уточняется ее цель, задачи, выявляется состояние подготовленности студентов, то есть уровень школьной подготовки. В связи с этим изучается научная и художественная литература, анализируется и обобщается читательский опыт и проводится пилотажное исследование в виде написания творческих работ.

На втором этапе проводится опытно-экспериментальная работа, на основе которой уточняется тема конференции, осуществляется сбор лучших творческих работ, отзывов на прочитанные книги, апробация средств, которые участвуют в процессе формирования коммуникативной культуры будущих инженеров-строителей, проводится первичная обработка экспериментальных данных в виде составления текста будущего макета сборника.

На третьем этапе проходит обобщение результатов опытно-экспериментальной работы, оформляется макет сборника, продолжается чтение и обсуждение художественной литературы через внедрение в канву занятий по русскому языку и культуре речи читательских конференций. По отзывам на прочитанные книги и обсуждения творчества выдающихся мастеров слова, получивших нобелевскую премию, формируется учебное пособие по русскому языку и культуре речи.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что его выводы и рекомендации могут использоваться в практике преподавания русского языка и культуры речи в техническом вузе. Она определяется введением в учебно-образовательный процесс модели формирования коммуникативной культуры будущих инженеров-строителей; подготовка и проведение ежемесячных и итоговой читательской конференции с привлечением профессиональных мастеров слова; сбор материала, составление макета, редактирование сборника творческих работ студентов; разработка и публикация пособия для студентов; создание вариативных курсов, направленных на решение задач формирования коммуникативной культуры будущих специалистов технического профиля.

Основные теоретические положения и результаты проекта «Строим словом» обсуждались и публиковались на международных научно-практических конференциях разного уровня. Результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры иностранных языков КГАСУ.

Сочинения, отзывы, рефераты, написанные по итогам читательских конференций, отражают реальное положение сформированности коммуникативных компетенций. Примеры сочинений студентов:

«Интересно, в какой момент я отчётливо начала осознавать смысл книг в своей жизни. Помню, класса до шестого меня вообще невозможно было посадить за книжку. Но однажды в школе, на очередном уроке литературы в шестом классе, мы читали фрагменты книги. Там описывалась курортная жизнь девушки, которая пила по утрам кофе без молока и сахара и съедала апельсин, устраиваясь на ступеньках под солнцем. У меня на всю жизнь осталось то ощущение, словно это я жила на берегу моря, посещала светские мероприятия. И тот вкус горячего чёрного кофе и апельсина, после которого все руки были липкие. Я узнала автора и эту книгу гораздо позже, когда уже начала читать все подряд. С первых страниц я узнала её. Это была «Здравствуй, грусть» Ф. Саган.

Есть и книги, которые берут меня содержанием, мыслями, возможностью посмотреть на всё со стороны. У меня две настольные книги из этой категории: «Маленький принц» А. Сент-Экзюпери и «Бойцовский клуб» Ч.Паланика. Такие книги я каждый раз перечитываю, открываю в них что-то новое. Казалось бы, такая детская книжка «Маленький принц». Но, как мне кажется, автор писал её для взрослых. Автор обличает человеческие пороки, причём делает это столь искусно, что каждый раз, перечитывая её, стыдно становится мне. Такие символы, как Роза Принца или Лис, сполна раскрывают проблемы любви, дружбы, верности. Если взять мою книжку в руки, можно увидеть, что каждая затрёпанная страничка обклеена множеством ярких закладок. » Залялова Диляра, экономический факультет[4]

«Существует мнение, что люди проживают лишь одну жизнь. Но это определённно не так. Люди проживают тысячи жизней. Каждый раз, когда человек берёт в руки новую книгу, он переносится в другой мир.

Книга хороша, если «жизнь» в ней была интересна и научила тебя чему-то. И самой лучшей жизнью, я абсолютно точно могу сказать, была жизнь Кнехта, из книги Германа Гессе «Игра в бисер». Сказать «эта книга меня удивила»- ничего не сказать, и именно поэтому я бы хотел поговорить о ней немного больше.

К сожалению, мои писательские навыки - ничтожны. Я не могу описать даже минимальную часть того, что приходит в голову при упоминании данной книги. Я никогда не смогу точно объяснить, почему и насколько хороша эта книга, но одно я могу сказать, не раздумывая: все книги дарили мне новую «жизнь», но лишь она одна подарила мне вторую человеческую жизнь...» Джумабаев Тимур Реджепович, группа 7ЭН01[4]

«Хочу задать такой вопрос: «А нужно ли вообще читать?». Неважно, кому: доктору, продавцу или строителю?». Без сомнений отвечу на свой же вопрос: «Конечно, читать необходимо!» Для чего? Да хотя бы для того, чтобы жить полноценной жизнью. Ведь что дает нам чтение книг? Да все, что хочешь! Во-первых, даёт многочисленный опыт, во-вторых, книга может ответить на все, интересующие нас, вопросы, в-третьих, заставляет задуматься о жизни, задаваться такими вопросами, как «А правильно ли я живу?», соответственно, книга может изменить нашу жизнь к лучшему, то есть изменить и нас самих. Читать нужно всем! Энже Хайбуллина

«Когда в человеке просыпается любовь к литературе? Может, в тот момент, когда он впервые переносится в мир детских сказок, которые каждую ночь перед сном читает мама. А потом этих волшебных историй становится недостаточно, и ты начинаешь самостоятельно искать новые приключения на бумажных страницах. Такими вопросами задаются студенты во время конференций.

И не имеет значения, кем они станут - строителями, экономистами или дизайнерами, любовь к чтению, как и к литературе, останется у них на всю жизнь. «Без литературы невозможно взглянуть на мир под разными углами, проникнуться душой во многие проблемы, насладиться осязаемостью целого мира, заключенного в крохотную книгу...»

Таким образом, сочинения, отзывы, рефераты, написанные по итогам читательских конференций, отражают реальное положение сформированности коммуникативных компетенций, и открывает возможности творчества будущих специалистов.

Список литературы

1. *Андреев, В.И.* Деловая риторика: практический курс обучения и ораторского мастерства. – М.: Народное образование, 1995. – 208 с.
2. *Андреев, В.И.* Педагогика творческого развития. Книга 1. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1996. – 567 с.
3. *Аухадеева, Л.А.* Формирование коммуникативной культуры современного учителя в процессе Вузовской подготовки: автореф. дис... д-ра пед. наук. – Казань, 2008.
4. *Л.А. Нигматуллина* <http://idel-rus.ru/tak-o-raskolnikove-dazhe-shkolniki-ne-pisali/>

10.01.03

И.С. Разина

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
кафедра русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации,
Нижний Новгород, neutralphoneme@mail.com

АЛЛЮЗИЯ КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ РОМАНА Д.У. ДЖОНС «МОЯ ТЕТУШКА – ВЕДЬМА»

В статье рассматривается аллюзивный пласт романа британской писательницы Дианы Уинн Джонс «Моя тетушка – ведьма». Отсылки к мифологическим, фольклорным источникам и произведениям классической английской литературы формируют аксиологический и образовательный потенциал ее текста для детей и юношества.

Ключевые слова: *детская литература, литературная аллюзия, литературные связи, традиция.*

Британскую писательницу Диану Уинн Джонс можно назвать классическим детским автором эпохи постмодернизма. Ее творческий метод характеризуется такими особенностями, как использование фрагментарного повествования, изображение альтернативных реальностей, саморазвертывающийся нарратив, синтез жанров и интертекстуальность [1]. Последняя черта выражена особенно ярко и проявляется в обилии аллюзий: организуя повествование на нескольких уровнях, Джонс делает отсылки как к мировой, так и к английской литературной традиции.

Одним из важнейших аллюзивных источников в творчестве писательницы оказывается мифология. «Современная жизнь и [миф] тесно связаны и накладываются друг на друга. Я бы хотела, чтобы дети поняли, что нагруженные смыслом старые истины являются частью нашей повседневной жизни», – пишет Джонс [2]. Для неё ценность мифов и сказок заключается в нескольких аспектах. Во-первых, их глубинный смысл возможно понять на интуитивном уровне благодаря связи с коллективным бессознательным, а значит, читателю не обязательно быть знакомым с конкретным текстом. Во-вторых, практически любое мифологическое или фольклорное произведение состоит из сегментов, которые можно использовать в различных комбинациях либо по отдельности, сохраняя их выразительность, но чуть изменяя значение [3: 105]. В качестве вдохновившего её примера применения подобной тактики Джонс приводит «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера [3: 71]. Рассмотрим, как оперирует данными принципами сама Джонс в своём романе «Black Maria» (в американском издании Aunt Maria, в русском переводе А. Бродоцкой «Моя тетушка – ведьма», 1991 г.).

Ведьма, главный антагонист книги, упоминается в первом предложении романа в четко обозначенной роли: «Тетушка Мария обострилась у нас сразу после папиной гибели. Знаю, так говорят про болезнь – и это я нарочно. Крис считает, что вся наша история больше похожа на карточную игру, где проигрывает тот, кому сдают даму пик. У этой игры и название подходящее – «Черная Мария», или «Ведьма». Может быть, Крис и прав» [6: 7]. В оригинале имеется уточнение: Мария – не просто болезнь, а чума (the plague). В сочетании с цветовой символикой такое обозначение вызывает ассоциации с «Черной смертью» – и действительно, подчиненный Марии городок Кренбери охвачен настоящей «эпидемией». Кроме того, «черная Мария» – сленговое название полицейского фургона для перевозки преступников, что приобретает дополнительный смысл в контексте ключевой темы тоталитаризма. Таким образом, уже на уровне заглавия Джонс создает образ, насыщенный культурными отсылками и предоставляющий простор для интерпретаций.

Магические фигуры архетипичны и функционально, и структурно, за ними стоит древняя мифопоэтическая традиция. В образе тетушки Марии просматриваются черты колдуньи Цирцеи, или Кирки. Мария действует похожими методами: сначала околдовывает жертву вежливыми речами, а затем может как в прямом, так и в переносном смысле превратить в животное – волка или кошку. Сцена превращения Криса, где Мария указывает на него своей тростью, представляет собой аллюзию: «Быстро жезлом меня длинным ударив, сказала Цирцея: / – Живо! Пошёл! И свиньёю валяйся в закуте с другими!» [4]. По изложению Диодора Сицилийского, Цирцея отравила своего мужа, царя сарматов, и оказалась у власти, но из-за проявленной к подданным жестокости была свергнута и бежала в океан. В романе Джонс муж Марии не упоминается ни разу. Превращенную в статуэтку Марию в финале отправляют в море на крышке шкатулки.

Наиболее содержательно богатый образ в романе – Энтони Грин. В сюжетную линию, связанную с этим персонажем, вплетено множество параллелей с судьбой Мерлина из Артурианского цикла. Энтони Грин влюблен в Наоми Лейкер, в чьем имени скрыта отсылка к Владычице озера Нимуэ: Naomi Laker – Nimue, Lady of the Lake. Джонс заимствует элементы из различных версий легенды: так, стремление Наоми завладеть шкатулкой с магией Грина перекликается с требованием Нимуэ научить ее всем заклинаниям, которые знает Мерлин. Как и легендарный провидец, Грин предчувствует печальный финал, однако не делает ничего для его предотвращения. Наоми замыкает холм, куда Грин поместил себя сам, и оставляет молодого человека погребенным заживо.

Фамилия персонажа (Green) имеет прямую связь с цветом шкатулки и выбрана не случайно: в ней слышатся отголоски образа Зеленого рыцаря из поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь», поклонницей которой является Джонс [3: 168], и, возможно, ещё более древнего фольклорного героя – Зеленого человека (Green Man). Неизвестного автора поэмы принято называть The Pearl Poet по названию другого его произведения; Энтони Грин способен превращать камни в жемчуг. Зеленый человек предстает также как мотив в искусстве раннего Средневековья, его изображение нередко встречается в качестве архитектурного элемента. Сложными орнаментами всех оттенков зеленого покрыта и резная крышка шкатулки. «В ней уже почти-почти угадывался смысл, словно зеленые картинки должны были о чём-то рассказать. И я почти-почти его угадала», – таково первое впечатление о шкатулке Мидж [6: 124], интуитивное осознание «чего-то другого и большего» (other and better) [3: 128]. Несмотря на то, что магия Грина описывается как вещество «запретное... чудовищно опасное... страшно сильное» [6: 125], она обладает и неоспоримым созидательным потенциалом. Символика зеленого цвета в контексте сил природы и перерождения также реализуется в романе: после своего освобождения Грин меняет к лучшему уклад жизни в Кренбери и снимает наложенные тетушкой Марией заклинания. Многие из них связаны с превращением в животных. Персонажи, способные отправлять людей в прошлое, не могут, тем не менее, вернуть человеческий облик Крису: это прерогатива Энтони Грина. Здесь можно вспомнить о том, что легенды называют Мерлина повелителем зверей и приписывают ему оборотничество.

Имена Грина, Наоми и других персонажей важны не только для выхода на уровень прецедентных текстов. Через них также раскрывается тема индивидуальности и самоопределения, красной нитью проходящая через все творчество Джонс. Посредством имени можно узнать, как герои видят себя и как их воспринимают окружающие, какой мотивации они следуют. Лишение имени автоматически определяет человека как незначительного: Крис отказывает в именах толпе сторонниц Марии, «миссис Ктототам» (Mrs Urs). Они обезличены, представляют собой лишь одинаковые роли.

Что же входит в их «обязанности»? Все миссис Ктототам должны присутствовать на традиционных чаепитиях, которые называются собраниями и ассоциируются с соответствующим эпизодом в романе «Алиса в Стране чудес» Л. Кэрролла. Нормальное превращается в ненормальное и обратно так же легко, как у Кэрролла. Н.М. Демурова пишет, что в мире кэрролловского нонсенса «не думают о выгоде и деньгах, не ходят в церковь, не

благотворительствуют, не лицемерят. Он подчёркнуто антидидактичен» [5]. Джонс же использует нонсенс исключительно во время сборищ миссис Ктототам, которые, напротив, думают лишь о собственной выгоде.

Главная героиня романа, Мидж, разрушает атмосферу одного из чаепитий, когда в ответ на просьбу прочитать стихотворение декламирует «Лепанто» Г.К. Честертон: «Как тот народ, что, гласа и надежды лишён, / Безвольно брёл в гранитный Вавилонский полон; / И многие в аду подводном сходят с ума» [7]. Намек на абсолютную власть Марии в Кренбери прозрачен. Мидж сожалеет о том, что в городе нет «дона Хуана Австрийского», «последнего рыцаря», который смог бы прийти всем на помощь, но в конце концов понимает, что это Энтони Грин. Его образ вновь оказывается нагружен реминисценциями Средневековья и рыцарской литературы.

Таким образом, опираясь на традиции классической английской литературы, Д.У. Джонс одновременно стремится к трансформации ее наследия. Аллюзии становятся элементом собственного узнаваемого стиля писательницы: цитация, в том числе скрытая, играет в романе сюжетобразующую роль. Творчество Джонс способствует и самообразованию юных читателей, побуждая их к поиску первоисточника мотивов и образов, расширению литературного и культурного кругозора.

Список литературы

1. *Butler, Ch.* Four British Fantasists. Oxford: Scarecrow Press, 2006. P. 6.
2. *Commire, A.*, ed. Diana Wynne Jones // Something about the author. 1976. Vol. 9. P. 117.
3. *Jones, D.W.* Reflections: On the Magic of Writing. Oxford: Greenwillow Books, 2012. 400 p.
4. Гомер. Одиссея / Пер. с древнегреч. В.В. Вересаева // Илиада; Одиссея. М.: Просвещение, 1987. С. 207.
5. Демурова Н.М. Английская детская литература 1740-1870 гг.: дис. д-ра филол. наук. М., 1983. С. 311.
6. Джонс Д.У. Моя тётушка – ведьма / Пер. с англ. А. Бродоцкой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. 320 с.
7. Честертон Г.К. Лепанто / Пер. с англ. А.Я. Сергеева // Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы. М.: Наука, 1985. С. 282.

10.01.01

О.Г. Шеина

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
факультет филологии и журналистики,
кафедра русской и зарубежной литературы, журналистики,
Тамбов, acksinya@mail.ru

ЛЕЙТМОТИВ «ПОЛЕТ К СОЛНЦУ» КАК СМЫСЛОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА «ПОЛЕТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX В.

В статье рассматривается одно из смысловых проявлений художественного концепта «полет» – лейтмотив «полет к солнцу», представленный в произведениях В.Я. Брюсова, Г.В. Иванова, М.А. Кузмина и сюжетно связанный с древнегреческим мифом о Дедале и Икаре. Проанализированы особенности репрезентации лейтмотива в текстах каждого автора, а также выявлены общие черты его бытования в русской литературе начала XX в.

Ключевые слова: *художественный концепт, лейтмотив, миф о Дедале и Икаре.*

В течение последнего десятилетия исследователи теории концепта все чаще указывают на необходимость внедрения термина «художественный концепт» (далее – ХК) в сферу литературоведческого анализа. Например, В.Г. Зусман полагает, что при этом «литературоведение получает возможность включить образную ткань произведения в общенациональную ассоциативно-вербальную сеть» [5]. Теория концепта в филологии наиболее четко разработана учеными-лингвистами, на основе работ С.А. Аскольдова, Ю.С. Степанова, А. Вежбицкой, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Н.С. Болотновой и др. создана терминологическая и методологическая база исследования данного понятия и его частного проявления – ХК, сферой бытования которого является художественный дискурс.

И.А. Тарасова считает непосредственной задачей филологических наук «деактуализацию методологии концептуального анализа в лингвистике и ее разработку – в литературоведении» и указывает на два возможных пути представления концепта: 1) как «индивидуально-авторское психическое образование» и 2) как «элемент национальной художественной традиции, национальной художественной картины мира» [17, с. 742].

В русле первой тенденции целью исследования концепта является постижение индивидуальной авторской картины мира, представленной в одном художественном произведении или их совокупности. Вторая тенденция, представленная, например, в исследовании Л.В. Миллер, основной задачей ставит «выявление в интертекстуальном пространстве русской литературы общего и устойчивого, а не индивидуального и новаторского» [9, с. 162]. В первом случае в качестве предмета исследования фигурирует корпус текстов конкретного автора, во втором – предметом становятся тексты, находящиеся в интертекстуальных отношениях.

Обе тенденции не являются взаимоисключающими, литературоведческий анализ, не допуская полное нивелирование фигуры автора, становится более перспективным при переходе от индивидуального к общему.

Так например, авторы «Антологии художественных концептов русской литературы XX в.» выдвигают в качестве основной цели анализа ХК «постижение его индивидуально-авторского смысла» и ставят задачу «проследить на ряде произведений эволюцию мировосприятия писателя» [1]. Логика анализа в данном случае направлена от частного – к целому, от индивидуально-авторского – к общелитературному и основана на «сопоставлении индивидуально-авторской интерпретации определенного концепта с его трактовкой в русской художественной картине мира, в картине мира русского социума» [1]. При выборе

методики авторы руководствуются основными принципами литературоведческого анализа, предполагая «исследование воплощения концепта на разных уровнях текста (тематическом, сюжетно-композиционном, мотивно-образном)» [1]. Подобный подход позволяет изменять ракурс рассмотрения в зависимости от поставленных задач и выявлять схожие темы, сюжеты, образы в художественной картине мира определенной эпохи, литературного направления и т.д. Например, А.С. Рослый использует его при изучении поэтики акмеизма. Методика описания концепта основывается на определении межтекстовых связей, выявлении общих тенденций в текстах Н.С. Гумилева, А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама, а также анализе образной системы произведений, отсылающих к поэзии Данте. Концепт «Италия», например, складывается из описания художественного пространства и времени в поэтике акмеистов, а также из представления об Италии как об «интертекстуальном целом, открытом многочисленным читательским интерпретациям» [15, с. 66]. Таким образом, исследование не только выполняет поставленную задачу – «системное изложение принципов присутствия концептов Данте в текстах акмеистов» [15, с. 25], но и обогащает представление о творчестве каждого из заявленных авторов.

Наиболее четко методика концептного анализа, направленного на постижение на индивидуального, представлена в исследовании Л.В. Миллер. Основной единицей анализа автор выбирает литературный мотив и определяет его как «художественное высказывание, представляющее собой текстовый элемент, функцией которого является реализация смыслового и эстетического содержания концепта». [9, с. 94]. Лексема «мотив», употребляемая Миллер, является устоявшимся литературоведческим термином, определяемым как «повторяющийся <...> элемент фольклорного (литературного) повествования» [16, с. 15] «простейшая содержательная (смысловая) единица художественного текста в мифе и сказке», а также «отвлеченное от конкретных деталей и выраженное в простейшей словесной формуле схематичное изложение элементов содержания произведения, участвующих в создании фабулы (сюжета)» [7]. Разницу двух понятий (мотива как художественного высказывания и мотива как литературоведческого термина) Миллер объясняет сферой употребления: «Мотив функционирует в конкретном литературном произведении, поле функционирования художественного высказывания – художественный дискурс» [9, с. 160]. Кроме того, автор акцентирует внимание на конечной цели анализа: «Анализ мотива предполагает установление единичностей, выявление уникального и индивидуального, анализ художественного высказывания имеет другую цель – восхождение от конкретных художественных смыслов к обобщенным, имеющимся в ХКМ как этнокультурно значимой системе» [9, с. 160].

Миллер предлагает следующую структуру художественного высказывания: 1) смысловое ядро, обусловленное концептом; 2) аксиология высказывания; 3) эстетико-смысловые «приращения», возникающие в процессе реализации авторской стратегии; 4) средства языка; 5) набор личностных смыслов, возникающих в процессе рецепции [9, с. 158–159].

Отличаясь сферой функционирования и конечной целью использования при анализе, мотив и художественное высказывание имеют схожие черты, например, способ названия с помощью ключевого слова, которое является отглагольным существительным или «существительным связанным с глаголом прямыми словообразовательными и семантическими отношениями» [16, с. 84]. По мнению Силантьева, «способ названия мотива через предикативное слово сигнализирует об определяющем положении предикативного начала <...> в семантической структуре мотива» [16, с. 84, 85]. На предикативность мотива указывает М.Л. Гаспаров, говоря об алгоритме анализа поэтического произведения: «Мотив – это всякое действие, то есть потенциально каждый глагол» [4, с. 19].

В рамках концепта «путь» Миллер выделяет лейтмотивы, также имеющие предикативное начало: «уход», «возвращение», «странничество», «скитание», «кружение», «выбор пути». Лейтмотив, по терминологии автора, является тем же мотивом (т.е. художественным высказыванием), «представленным в литературных текстах, вступающих в

интертекстуальные отношения» [9, с. 94], в этом случае мотив выступает в новом качестве, «превращаясь в особый интеллектуально-эмоциональный блок, своего рода эталон, относящийся к классифицирующей системе психики, имеющей, по мнению психологов, надязыковой характер» [9, с. 94]. Согласно трактовке исследователя, лейтмотив представляет собой обобщенную репрезентацию объекта и выражает его идею, а также «выполняет функцию связи прошлого опыта с актуальной ситуацией» [9, с. 99].

Используя лейтмотив в качестве основного инструмента, Миллер анализирует смысловые, оценочные и культуроспецифичные составляющие концепта «путь» и решает задачу выявления «в интертекстуальном пространстве русской литературы инвариантного, общего и устойчивого, а не индивидуального и новаторского» [9, с. 162].

Поставленная задача не исключает анализа конкретных текстов, но при этом предполагает «перемещение исследовательского взгляда с отдельного произведения на почву, которая подготовила его появление» [8, с. 162].

Таким образом, концептный анализ, выполненный с учетом обозначенных тенденций, делает литературоведческое исследование более перспективным, расширяя его границы и вводя конкретные произведения в общий контекст определенной эпохи, национальной культуры и т.д.

Начало XX в., отмеченное поиском новых путей в науке, технике, искусстве, в художественном дискурсе проявляется в виде концептов, обозначающих нечто изменчивое, опирающееся на опыт прошлого и устремленное в будущее. Одним из таких концептов, нашедших отражение в философии, публицистике, художественной литературе и массовом сознании, является концепт «полет».

Ассоциативное поле, связанное с данным явлением, довольно велико. Если к смысловому ядру концепта мы можем отнести движение по воздуху птиц и насекомых, биологически наделенных способностью к полету, а также полет человека с использованием технических средств (аэроплан, самолет, воздушный шар, лыжи, коньки, велосипед и т.д.), то к его периферии может быть отнесен иллюзорный полет (во сне, в мечтах), фантастический полет (полет Вакулы, Рупрехта, Маргариты т.д.), полет мифологических героев, наделенных крыльями (Амура, Психеи, Гермеса и т.д.). О полете можно говорить относительно разных сфер деятельности человека: от воздухоплавания и авиации до балета, спорта и цирка. Внутренние переживания, метафорически связанные с ощущением полета, могут передавать состояния от абсолютного счастья до желания смерти.

Одна из самых первых трагедий в воздухе представлена в древнегреческом мифе о Дедале и Икаре, классический вариант которого изложен Овидием в поэме «Метаморфозы». Мифологический сюжет о талантливом изобретателе и его сыне несколько веков бытует в литературе. Его интерпретация в зависимости от авторской интенции выдвигает на первый план разные смысловые доминанты, и соответственно, сюжет порождает множество лейтмотивов, которые являются смысловыми вариациями концепта «полет». Передвижение по воздуху закрепилось в качестве сюжетной основы мифа, хотя позже возникали и другие трактовки. Например, в «Описании Эллады» Павсаний говорит о бегстве героев водным, а не воздушным путем:

«Когда он бежал из Крита, устроив себе и сыну своему Икару маленькие суда и приделав к ним, что до тех пор было неизвестно, паруса, то, пользуясь попутным ветром, он намного обогнал флот Миноса, шедший на веслах. Таким образом, сам Дедал спасся, а у Икара, который менее искусно управлял своим судном, оно у него, говорят, перевернулось. Икар утонул, и его труп волны вынесли на бывший тогда безымянным остров, выше Самоса» [12, с. 187].

Вариант мифа, изложенный Овидием, выдвигает в качестве основного героя Дедала, талантливого изобретателя, архитектора, которому крылья необходимы для возвращения на родину: «Дедал, наскучив меж тем изгнанием долгим на Крите, / Страстно влекомый назад любовью к родимым пределам, / Замкнутый морем, сказал: "Пусть земли и воды преградой /

Встали, зато небеса - свободны, по ним понесемся! / Всем пусть владеет Минос, но воздухом он не владеет!» [14, с. 200]

Полет для Дедала в аксиологическом плане не является наслаждением высотой, а лишь служит средством освобождения. Полет для Икара имеет ценность сам по себе: «Начал тут отрок Икар веселиться отважным полетом, / От вожака отлетел; стремлением к небу влекомый, / Выше все правит свой путь. Соседство палящего Солнца / Крыльев скрепление – воск благовонный – огнем размягчило; / Воск, растопившись, потек; и голыми машет руками / Юноша, крыльев лишен, не может захватывать воздух» [14, с. 201].

Именно полет Икара, представленный в текстах разных авторов, обогащается новыми смыслами и становится тем самым «интеллектуально-эмоциональным блоком», о котором говорит Миллер. Рассматриваемое явление мы будем условно называть лейтмотивом «полета к солнцу».

В конце XIX в. к сюжету обращается С.Я. Надсон. В стихотворении «Икар» (1887) есть существенные расхождения с классической версией мифа: Дедал не упоминается вовсе, Икар становится главным и единственным персонажем: «На Крите жил чудак, по имени Икар. / Для дерзких дум его земля казалась тесной» [11, с. 322].

Изучив строение крыльев убитой чайки, Икар поднимается в небо, однако описание полета и гибели героя отсутствует, читателю представлена метонимия «опять в волненьи Крит», образ разноцветной толпы, стекающей по скалам, «как шумный вешний дождь, потоками, волнами», и финальные строки: «Пусть это только миг, короткий, беглый миг, / И после гибель без возврата, / Но за него – так был он чуден и велик – / И смерть – не дорогая плата!» [11, с. 234]

Таким образом, в стихотворении представлены завязка и развязка сюжета, кульминация отсутствует и может быть лишь восстановлена в сознании читателя. Икар Надсона в полной мере воплощает черты одинокого героя эпохи романтизма, тяготящегося земной скукой и обладающего мятежным духом, он предпринимает заведомо опасную попытку достичь небесных высот и осуществить мечту ценою жизни. Наивысшей ценностью в данном случае обладает мгновение, это подчеркивает акцент на лексеме «миг», повторенной дважды, и подборе эпитетов по принципу антитезы: «короткий, беглый» – «чуден и велик». Выразительность финала подчеркивается также сменой стихотворного размера: шестистопный ямб, которым написано все стихотворение, в последней строфе чередуется с четырехстопным: длинные строки говорят о чудном миге, короткие – о смерти, ритмически противопоставляя одно другому. Ощущение тревоги передает рефрен «хрусталь прозрачных волн о скалы разбивая», как будто предвещающий трагический исход; образ волн, набегających на скалы трансформируется в финале в образ большой толпы, стекающейся к месту гибели юноши.

Через одиннадцать лет – в 1908 г. – появляется стихотворение В.Я. Брюсова «Дедал и Икар», более близкое к варианту Овидия. Девять из десяти строф представляют собой полемический диалог двух персонажей во время полета. Каждая реплика Икара оспаривает и отрицает предыдущее высказывание отца.

Дедал излагает факты и дает наставления, призывая верить в свой «зрелый, зоркий ум». Икар, не обращая внимания на внешний мир, поглощен собственной мечтой. Таким образом, реплики Дедала характеризуют внешний мир и дают некоторый фактический материал об окружающем пейзаже, деталях подготовки к путешествию и его конечном пункте. Реплики Икара передают внутреннее состояние героя, говорят о его желаниях и устремлениях: «Отец! что облака! что море! / Удел наш – воля мощных птиц: / Взлетать на радостном просторе, / Метаться в даях без границ!» [2, с. 522]

Различие мировосприятия отца и сына передают синтаксические особенности их реплик: высказывания Икара по сравнению с лаконичными наставлениями Дедала более эмоциональны и отрывисты, содержат краткие призывы («выше, к небосводу!»), синтаксически однородные предложения («Я опьянел! я глух! я слеп!»), риторические восклицания («что облака! что море!»).

Реплики Икара доказывают осознанность его выбора и понимание высокой цены одного счастливого мига, что свойственно и лирическому герою Надсона. Для Икара Брюсова так же важна свобода души и тела, платой за которые может стать смерть. Осознанность выбора звучит в репликах-антитезах: «Взлетаю ввысь, как в глубь могилы, / Бросаюсь к солнцу, как в Эреб», «пучиной золотой» называет солнечное небо его отец, предвидящий трагедию. Икар заключен между двумя крайностями – двумя опасными стихиями – небесной и водной. Их сходство подчеркивается в последней строфе эпитетом «вечно голубое», который характеризует море, но вполне может быть отнесен и к небу, а также служит напоминание о вечности и мимолетности жизни героя. Финальная строфа, как и в стихотворении Надсона, выделена ритмически: она представляет собой пятистишие, образованное за счет приращения строки. Строфа контрастирует с репликами-четверостишиями, как будто удлиняя момент падения: «О юноша! презрев земное, / К орбите солнца взнесся ты, / Но крылья растопились в зное, / И в море, вечно голубое, / Безумец рухнул с высоты» [2, с. 523].

Момент отдаления Икара от отца показан посредством перемены грамматической категории: второе лицо сменяется третьим, подчеркивая отчуждение героев: «Мой сын! мой сын! Лети серединой, / Меж первым небом и землей... / Но он – над стаей журавлиной, / Но он – в пучине золотой!» [2, с. 523]

Икар Брюсова понимает, что покушается на запретный плод: «Вторично не позволят боги до сфер небесных дотянуть», он подчеркивает единичность и уникальность мига, Дедал же утверждает обратное: «Взлетим мы дважды и трикратно, / И сколько раз ни захотим», что вновь демонстрирует разницу мировосприятия героев: конфликт рационального и эмоционального начала, при котором «зрелый, зоркий ум» не может подчинить себе опьянение «радостным простором».

Мысль о соперничестве с высшими силами еще более остро звучит у Георгия Иванова в стихотворении «Икар» (1910). Поэт отказывается от образа Дедала, его текст представляет собой монолог Икара, который сам «сотворил себе полет». В основе стихотворения – конфликт между мечтой и реальностью в сознании героя, противопоставление «заветного сна» и смертельной опасности как платы за его воплощение: «Я видел смерть издалика, / В лазурь она меня манила» [6, с. 10].

Герой не только наслаждается свободой, высотой и полетом, но и испытывает состояние ужаса, приближающейся гибели, что подтверждают свойственные поэтическому словарию Иванова лексемы «тлен», «прах», «ужас», «безумие». Вокруг Икара не «гривистая пена» и не «реют облака», как в тексте Брюсова, он не упоенный счастьем полета юноша, а «дерзкий червь, рожденный тьмой».

Если платой за полет у Надсона и Брюсова является падение и смерть, то у Иванова гибель сопровождается унижением, подчеркивающим ничтожность героя-мечтателя перед всемогущим светилом: «И я упал, как горный прах. / Я в тлен ушел – безумец тленный... / Я умирал... В моих ушах / Смеялось солнце, царь вселенной» [6, с. 10].

Отметим, что связанное с образом Икара осознание собственного бессилия в схожем лексическом обрамлении, все же встречается у Надсона в стихотворении «Весной» (1886): «Я, как Икар, мечтал о ясных небесах!.. / Напрасные мечты!.. Неопытные крылья / Сломались в вышине, и я упал во прах, / С сознанием стыда, печали и бессилья!» [11, с. 316]

Появление образа смеющегося солнца в финальной строфе текста Иванова может быть обусловлено воздействием произведений М.А. Кузмина, о котором говорит Л.Г. Панова: «Влияние Кузмина на Г. Иванова доэмигрантского периода обычно рассматривается как приведшее последнего к созданию собственной манеры письма. При этом каналом преемственности называется не только «из поэзии в поэзию», но и «из прозы одного — в поэзию другого», а выход Г. Иванова из-под влияния датируется 1916 годом» [13, с. 379]. Образ солнца – «царя вселенной» встречается в повести об Александре Македонском, который пытается покорить воздушную стихию, взлетев в клетке с привязанными к ней орлами: «Наконец издали узрел Александр солнце. Гиацинтовое колесо, величиною трижды превосходящее площадь города Вавилона, катили с трудом по золоченому желобу ангелы с

огненными лицами в красных плащах. Царь, закинув голову, кричал в пламенное сияние: "Я – Александр! Я – Александр!" – и орлы клектали семью парами раскрытых ртов. Звук тысячи труб и тысячи громов прозвучал в ответ: "Назад, смертный безумец, я – Бог твой!" Александр, лишившись чувств, опустил копьё вниз, и орлы понесли его к земле быстрее безумной кометы. Когда народ, ожидавший царя, восклицал: "Слава Александру, покорившему стихии!" – царь ничего не ответил и, бледный, направился, сопровождаемый толпою, к берегу моря» [8, с. 62].

«Смертный безумец» Кузмина и «безумец тленный» Иванова развенчивают мечту человека о полете: он не может сравниться с богами, даже научившись летать, потому что главная причина не в том, что человек лишен способности к полету, а в том, что он смертен.

Лейтмотив полета к солнцу, репрезентованный в текстах разных авторов, имеет ряд общих черт:

1) в каждом из рассмотренных произведений присутствует тема безумия: Икар назван безумцем в тексте Брюсова, «безумцем тленным» у Иванова, чудачком у Надсона, Александр Македонский у Кузмина – «смертный безумец». Таким образом, не столько сама мечта о полете, сколько попытка ее воплощения и невозможность вовремя остановить свой порыв влекут за собой мысль об отсутствии в сознании героя рационального начала. Более того, в стихотворении Иванова подобное состояние характеризует не только Икара, но и окружающий его мир: «И пораженная река / В немом безумии застыла».

2) лейтмотив сопровождается противопоставлением мига и вечности, краткости человеческой жизни и бессмертия природы, особенно отчетливо эта тема звучит у Брюсова и Иванова: герой погибает, море продолжает оставаться голубым, а солнце – сиять на небе;

3) для каждого героя характерна двойственность ощущений при полете: счастье и опасность, взлет и низвержение, мечта и ее крушение, на стилистическом уровне одним из самых ярких средств выразительности является антитеза: «Я видел смерть издалека, В лазурь она меня манила»; «Взлетаю ввысь, как в глубь могилы, Бросаюсь к солнцу, как в Эреб!»

4) в художественной картине мира русской поэзии начала XX в. развивается линия Икара, ее аксиология – мечта, дерзновение, соперничество, страсть. Вторая линия – Дедала, главное в которой – разум, техническая точность и научный расчет, берется во внимание гораздо реже. Полет как воплощение мечтаний Дедала представлен в стихотворении Набокова «Движенье», образ аэроплана показан в контексте идеи создания искусственного движения – непреодолимого желанья человека превзойти самого себя: «Наклон, оправданное вычисленья / да четкий повторяющийся взрыв – / и вот оно, Дедала сновиденье, / взлетает, крылья струнные раскрыв» [10, с. 119].

В произведениях Набокова, большого любителя технических новинок, довольно часто сквозит лейтмотив изобретательства, отсылающий к образу Дедала, такого же любителя лабиринтов и хитроумных изобретений. Например, Дедал считается создателем искусных статуй, производящих впечатление оживших: их подобие появляется в романе «Король, дама, валет». Имя Дедала носит один из героев романа «Ада», погибающий в авиакатастрофе.

Однако для русской литературы начала XX в. симпатия к образу Дедала является исключением, из чего следует еще одна черта лейтмотива:

5) искусственное изобретение для полета не способно принести счастья человеку, для которого важнее огонь мечты, а не холодный расчет. Недоверие к точным вычислениям подчеркивает метафора «мертвый циркуль» в стихотворении Брюсова «Кому-то» (1908), кроме того, имя мифологического героя употреблено с непривычным ударением на первом слоге: «Наш век вновь в Дёдала поверил, / Его суровый лик вознес / И мертвым циркулем измерил / Возможность невозможных грез» [2, с. 537].

Подобное недоверие было свойственно, например, А.С. Грину: «Он возненавидел авиационную технику ревностью оскорбленного любовника неба. Он искренне верил и хотел, чтобы человек летал сам и воспринимал самолеты как нечто враждебное и не расставался с этим чувством ни в тридцать лет, ни в сорок пять» [3, с. 208]. Свое идеальное

представление о полете человека он воплотил в романе «Блистающий мир»: главный герой Друд может летать самостоятельно, без применения технических средств.

Русская литература ценит в герое не опытность и расчет, а юность и дерзость, не осторожность, а способность взглянуть в глаза смерти и бросить вызов самой природе, не длинную жизнь, а краткий миг счастья. Все это темы, привнесенные в миф и обогатившие его дополнительными смыслами. Кроме того, интерпретация мифа на русской почве превращается в отрицание технического прогресса в области полета, в демонстрацию превосходства «безумного» над рациональным. Таким образом, в начале XX в., несмотря на стремительное развитие авиации, мечта человека о полете, запечатленная в мифе о Дедале и Икаре, по-прежнему остается неосуществимой.

Список литературы

1. Антология художественных концептов русской литературы XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.docme.ru/doc/1352371/antologiya-hudozhestvennyh-konceptov-russkoj-literatury-xx.html> (дата обращения 20.11.2017).
2. Брюсов В.Я. Собрание сочинений в семи томах. Т. I. Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. – М., Художественная литература, 1973. – С. 522–523, 537.
3. Варламов А.Н. Александр Грин. – М.: Молодая гвардия, 2008. – С. 208.
4. Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 19.
5. Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. – 2003. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/2/zys.html> (дата обращения 21.11.2017)
6. Иванов Г.В. Собрание стихотворений. – Würzburg: Jal-verlag, 1975. – С. 9–10.
7. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. – М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/kle/default.asp?feb/kle/kle/kle.html> (дата обращения 20.11.2017).
8. Кузмин М.А. Проза. Вторая книга рассказов. – Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1984. – С. 62.
9. Миллер Л.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы): дис. докт. филол. наук. – СПб., 2004. – С. 94–162.
10. Набоков В.В. Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1991. – С. 119.
11. Надсон С.Я. Избранное. – М.: ТЕРРА–TERRA, 1994. – С. 322–324.
12. Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. Т. 2. Кн. VII–X. – М.: ООО «Издательство АСТ»: «Ладомир», 2002. – С. 187.
13. Панова Л. Г. Экфрасис с последствиями (Михаил Кузмин, Георгий Иванов, Анна Ахматова) // От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – С. 379
14. Публий Овидий Назон. Метаморфозы. – М.: Художественная литература, 1977. – С. 200–201.
15. Рослый А.С. Данте в эстетике и поэзии акмеизма: система концептов (на материале творчества А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама): дис. канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 25, 66.
16. Силантьев И.В. Поэтика мотива. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 15, 84–85.
17. Тарасова И.А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 742–745.

10.02.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ

10.02.00

Ф.Х. Завгарова к.филол.н., Г.К. Мансурова

Республиканский центр развития традиционной культуры,
научно-исследовательский отдел,
Казань, zavgarova@inbox.ru, gully87@mail.ru

**КУЛЬТУРНЫЙ КОД ИМЭН (ДУБ)
(НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ)¹**

Статья посвящена комплексному анализу татарского культурного кода ИМЭН (ДУБ). В работе описываются функции кода. В ходе исследования проанализированы корпусы пословиц, поговорок, поверий, а также полевые материалы авторов. В результате получено функциональное поле культурного кода ИМЭН (ДУБ). Комплексный анализ дендрологического культурного кода ИМЭН (ДУБ) в татарской филологической науке проводится впервые.

Ключевые слова: *имэн (дуб), культурный код, функция, фольклорный текст, идентификация.*

В современной тюркологии активно разрабатывается проблема идентификации этносов по семиотическим системам и культурным маркерам (например, *любовь, смерть, жизнь, война, дом* и т.д.). Коды живой природы играют важную роль в процессе идентификации народа. В татарской науке в рамках структурной парадигмы внимание в основном было уделено морфологическому, фонетическому, лексикологическому и историческому аспектам данного вопроса. Так, в своих работах на материале татарского языка Н. Б. Бурганова [1; 15], Г. Г. Саберова [11], Р. Г. Ахметьянов [13], Т. Х. Хайругдинова [12], Ф. Ю. Юсупов [19] изучили генетические пласты и диалектологические варианты названий деревьев и трав. В трудах [3; 16; 17] Ф. Г. Гарипова исследовала богатый топонимический и гидронимический материал татарского языка и выделила отдельные тематические подгруппы топонимов и гидронимов, указывающих на породы деревьев, произрастающих на берегах водоемов; названия, связанные с обозначением пород плодородных деревьев и кустарников. А также на примерах из художественной литературы и фольклора (песни, семейная обрядность) рассмотрела образы березы и дуба в татарской культуре [16]. В последнее время были опубликованы интересные статьи авторов данной работы, которые посвящены выявлению семантических уровней некоторых видов деревьев в мировоззренческой системе татарского народа [5], [7]. Тем не менее, в татарской гуманитарной науке до сих пор нет монографического комплексного исследования культурного кода ИМЭН (ДУБ) – системообразующего компонента дендрологической концепции татарского народа.

Цель данной статьи – описание функций культурного кода ИМЭН (ДУБ) как идентифицирующего признака коллективной татарской языковой личности. Основными методами, использованными в работе, являются контекстный, семантический и функциональный анализы.

Дуб занимает центральное место в культуре тюркских народов. По представлению гуннов, высокий густолиственный дуб – мировое дерево – связывал человека, общину, землю с главным божеством – Тенгриханом, жившим на небе. Тюрки почитали дуб как самого Тенгри. Все языческие обряды совершались возле него – матери высоких деревьев [4, с. 37].

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и Правительства Республики Татарстан научного проекта № 16-14-16033 а(р) «Дерево в мировоззренческой системе татар: локус дома и придомовой территории».

Арабский путешественник XII в. Абу Хамид Мухаммад аль-Гарнати в своих записях отмечал, что городские стены и ворота в городе Булгар были дубовыми. Образ мирового дерева широко использовался в болгарских женских нагрудных украшениях (хаситэ) как символ защиты, благосостояния рода. Орнамент, представляющий собой мировое дерево, украшал парадные топоры и символизировал пожелание жизненной силы для владельца изысканного подарка [2, с. 109]. У татар дубовые рощи до сих пор почитаются как священные места (*изге руша*), где прочитанные молитвы обязательно доходят до предков (информант Баязитова Галиябану Шагараевна, 1934 г.р., Республика Татарстан, Спасский район, д. Средний Юртукуль) [9].

В татарской культуре дуб выполняет функцию родового дерева (*насел агачы*): корни символизируют древних предков, а листья и ветки – молодое поколение. Данное представление закреплено в паремических формулах, например, *Ата-бабалы кеше – тамырлы имән* (Человек, у которого есть предки, подобен дубу с корнями). Дуб представляет собой центр, место основания новой общины (новой деревни), а впоследствии становится символом родных земель, Отчизны. В ходе экспедиций нам удалось зафиксировать легенду, согласно которой, в нач. XX в. татары, в поисках плодородных земель, переселились из Арского кантона в Спасский кантон. Заприметив одинокий дуб, решили обосноваться именно здесь. Однако рядом с дубом не было воды, поэтому переселенцы спустились ближе к местам, где есть вода, и основали новую деревню (деревня Тукай в Спасском кантоне Татарской АССР, 1928 г.). Одинокий дуб до сих пор стоит на своем месте, и жители деревни Тукай считают именно его началом новой деревни: (информант Нигматуллина Люция Саматовна, 1964 г.р., Республика Татарстан, Спасский район, д. Тукай) [9].

Дуб служит средством связи с предыдущими поколениями, историей, традициями и является частью механизма сохранения идентичности народа. Так, у татар бытует обычай оставлять два-три дерева после вырубki леса под сельхозгодия. Их называют *урман энкалэре* (матери леса): *< Были ли одиноко растущие деревья? > На окраине деревни были. Их называли матери леса. Эти деревья. Два дерева. Называли матери леса. < Что за деревья? > Дубы. Засохли. <...> Раньше земель (пахотных – прим. авт.) не было. Вспахивали. Оставленные деревья назывались матери леса. Раньше ведь здесь были леса* (информант Афзалова Миннебаян Рахимовна, 1929 г.р., Республика Татарстан, Апастовский район, д. Альмендерово) [10]. Также принято оставлять дуб рядом с домом во дворе, за домом (так как новые деревни строились на местах, занятых лесами). Татары бережно хранят дерево, ухаживают, «разговаривают» с ним, называя его мой дуб: *Мы избу построили... выкорчевали лес. <...> Раньше там была дорожка только для лошадей. Везде был лес. Все срубили, появился и двор, и лес остался. На память оставила возле клети вот такусенький дубок. <...> Сейчас смотрю на него и жизнь живу посвоему. И мой дубок сейчас уж вырос* (информант Каримова Франгиза Ахметгараевна, 1937 г.р., Республика Татарстан, Спасский район, д. Йолдыз) [9].

Дуб является символом крепкой семьи. В татарской семейной обрядности принято сажать дуб перед домом как залог крепкого семейного счастья, [16, с. 629], также дуб специально сажают в связи с рождением ребенка в семье, с пожеланиями крепкого здоровья новому поколению.

Дуб в татарской традиции выступает в качестве дарителя жизненной силы. В татарских деревнях Дрожжановского района Республики Татарстан до сих пор проводится праздник «15 мая» (*Каталау бэйрәме* – Праздник валяния), когда все жители сел вместе идут в лес «чтобы обнять дуб и валяться на траве». Этот ритуал исполняется ежегодно. Во время ритуала принято разговаривать с дубом, просить у него много сил на этот год «Во имя Аллаха»: *Сначала бабушки говорили «Дай здоровья», когда входили в лес, ложились на траву и катались... во весь рост... ложились. «Дай здоровья, радости, спокойствия», – говорили, – «Пусть мои болезни останутся здесь», – говорили бабушки... На них смотрели мы и также катались. <...> Это было утром... Когда роса еще не высохла... Затем бабушки... ходили*

босыми. <- Что делали после валяния на траве?> Обнимали самое твердое дерево... Дубы, конечно. «Дай здоровья! Был ли ты здоров? Как жил-поживал? Вновь встретились. Будь здоров», – говорили дубу. <...> (Затем) читали суры (из Корана), уходили на полянку (информант Мухамметзянова Гульшат Атаулловна, 1953 г.р., Республика Татарстан, Дрожжановский район, д. Старые Чукалы) [8].

У татар дуб, дубовый колышек используется и в магической практике. По поверьям татар, живущих в пограничном регионе Татарстана и Башкортостана, чтобы защититься от упыря (*убыр* – душа грешного человека, выходящая через дырку в могиле), нужно воткнуть дубовый кол в могилу [14, с. 409]. Дуб применяется в качестве целебного средства от сглаза, эпилепсии, зубных болезней [8].

Дуб в татарской культуре, как и у многих народов, является символом мужского начала и противопоставляется а татарской культуре березе, хмелю, пшенице (примеры из паремического фонда татарского языка): *Ирлар – имән тамыры, Кызлар бодай камыры* (Мужчины – корни дуба, девушки – тесто из пшеницы); *Ир – имән, Хатын – колмак, аны сарган да башыннан игән, ди* (Мужчина – дуб, женщина – хмель, хмель обвил ее и заставил склонить голову); *Имән агачының иелгәне – сынганы, ир егетнең оялганы – үлгәне* (Если дуб поклониться словно сломается, если мужчина застыдиться словно умрет) [6].

Дуб обладает особым статусом у татар в связи с его ценностью как материала для использования в хозяйстве. Примечательно, что в традиционной татарской культуре предметы, сделанные из дуба, перенимают признаки добротности, надежности, сакральности. Например, фундамент из дуба служит и оберегом всего дома, гарантом благополучия и достатка в семье.

Таким образом, дуб в татарской картине мира является почитаемым, священным деревом, репрезентантом мирового дерева, родового дерева, мужского начала, залогом крепкой семьи и крепкого здоровья, обладающим сакральными, обережными, лечебными свойствами, выраженными в паремическом корпусе, топонимических легендах, семейной обрядности, заговорно-заклинательной традиции, лечебной и трудовой практике, в народном искусстве татарского народа.

Список литературы

1. Бурганова Н. Б. О татарских народных названиях растений // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 1976. С. 125-141.
2. Валеев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола: Марий. кн. изд-во, 1975. 216 с.
3. Гарипова Ф. Г. Татарская гидронимия (Вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии). Казань: ИЯЛИ, 1998. 571 с.
4. Давлетшин Г. М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. 431 с.
5. Завгарова Ф. Х., Мансурова Г. К. Можжевельник в системе традиционных верований татар // Казанская наука. Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2016. №12. С. 64-66.
6. Исанбет Н. Татарские народные пословицы : собрание пословиц: в 3-х т. – 2-е изд. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010.
7. Мансурова Г. К., Завгарова Ф. Х. Культурный код милэш на материале фольклорных текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 2. С. 116-118.
8. Полевой материал авторов. Республика Татарстан, Дрожжановский район. 2017 г.
9. Полевой материал авторов. Республика Татарстан, Спасский район. 2016 г.
10. Полевой материал авторов. Республика Татарстан, Апастовский район. 2015 г.
11. Сабберова Г. Г. Названия растений в татарском литературном языке / АН Респ. Татарстан, Ин-т яз., лит. и истории; Науч. ред. Ф. А. Ганиев. Казань, 1996. 130 с.
12. Хайрутдинова Т. Х. Народные названия растений в татарском языке. Казань: Фикер, 2004. 224 с.

13. *Әхмәтъянов Р. Г.* Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 272 б.
14. *Баязитова Ф. С.* Халык традицияләре лексикасы: Соңгы туй. (Дини фольклор һәм жирле сөйләш текстлары ясылыгында). Казан: Г. Ибраһимов ис. ТӘҺСИ, 2015. 711 б.
15. *Борһанова Н. Б.* Үсемлек атамалары // Диалектологик сүзлек : (татар теле диалектларын өйрәнү юлында беренче тәҗрибә) / СССР Фәннәр Академиясе, Казан филиалы, Тел, әдәбият һәм тарих институты. Казан: Татгосиздат, 1958. Б. 229-250.
16. *Гарипова Ф. Г.* Авыллар һәм калалар тарихыннан. Икенче жилд. Казан: Матбугат йорты, 2003. 720 б.
17. *Гарипова Ф. Г.* Авыллар һәм калалар тарихыннан. Беренче жилд. Казан: Матбугат йорты, 2001. 720 б.
18. *Мәхмүтов Х. Ш.* Ел тәүлеге – 12 ай (халык календаре битләреннән). Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. 128 б.
19. *Юсупов Ф. Ю.* Сафакүл татарлары: тарих, тел, халык ижаты / ТФА; КДУ; Татар дәүләт фольклор үзәге; Бөтендөнья татар конгрессы. Казан: Фикер, 2006. 607 б.

10.02.00

А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево МО, mar4878@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛЕНГИЗМОВ С ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ

В статье рассматривается лингвистическое явление сленга в точки зрения выражения в нем отрицательного отношения к собеседнику или его поступкам. Авторы акцентируют внимание на американском молодежном сленге, поскольку именно молодежи свойственен своего рода юношеский максимализм в оценках и номинациях. Все проанализированные примеры были классифицированы на три отдельные группы (согласно значению). В качестве основного вывода авторы отмечают явную выраженность в единицах сленга негативного, насмешливого отношения к «нечлену» своей социальной группы, что способствует сближению «своих» и отдалению «чужих».

Ключевые слова: американский сленг, молодежный язык, отрицательная коннотация, глагол, функции сленга.

Современное общество является динамичным и быстро развивающимся, что не могло не отразиться на языке, который также весьма подвижен, в результате чего за период жизни одного поколения словарный запас его представителей претерпевает значительные изменения как в смысле увеличения объема, так и в смысле замены одних слов на другие, близкие по значению. Чаще всего основной средой возникновения и закрепления ряда новых слов является молодежное сообщество. Молодежный язык (или иначе сленг) предназначен, главным образом, для того, чтобы отделить «своих» от «чужих» [7, с. 167–173]. Помимо разграничения «членов» и «нечленов» группы, сленг также имеет своей целью внесение разнообразия в стандартную, «типизированную», шаблонную речь, придание яркой эмоциональной окраски звучащей и написанной речи [9, с. 184]. Молодежный сленг призван отразить в вербальном воплощении бытие и мироощущение его носителей [7, с. 167–173].

С.И. Левикова в работе «Молодежный сленг как своеобразный способ вербализации бытия» отмечает незамкнутость молодежной общности, которая позволяет их отдельному «языку» взаимодействовать с общенациональным, нередко обогащая последний новыми элементами или расширяя значения уже существующих лексических единиц. Молодежный сленг представляет собой ряд слов и выражений, свойственных и часто употребляемых молодыми людьми, но не воспринимаемых «взрослыми» в качестве «хороших», общеупотребительных или литературных. Эти слова и выражения становятся сленговыми не только благодаря их нередко нетрадиционному написанию или словообразованию, но, прежде всего, потому, что их употребляет более или менее ограниченный круг людей и эти слова и выражения привносят в язык особый смысловой оттенок или «аромат» [7, с. 167–173].

В пособии «Литературный язык и нелитературные варианты национального языка» И.С. Трусова в свою очередь отмечает, что в отличие от других видов сленга молодежный сленг не предназначен для того, чтобы сделать речь его носителей недоступной для посторонних лиц. Он является скорее «общественным развлечением», благодаря чему через эту форму языка проявляется стремление молодежи подчеркнуть свой особый статус в обществе [8, с. 12]. Данную точку зрения разделяет И.Б. Голуб, автор учебного пособия «Русский язык и культура речи», утверждая, что появление многих сленгизмов в речи молодежи связано «со стремлением молодежи ярче, эмоциональнее выразить свое отношение к предмету, явлению

[3, с. 259]». Таким образом, мы делаем вывод о том, что сленговые единицы относятся к разряду эмотивных, т.е. являются языковыми средствами, употребляемыми для выражения эмоций в речевом акте и способными произвести эмоциональный эффект на слушателя (или читателя) [2, с. 23–25].

Многочисленные сленговые слова и выражения вносят в современную коммуникативную среду (главным образом, молодежи) негативное восприятие окружающей действительности, грубые номинации и оценки, а также приземленное выражение мыслей и эмоций. Исходя из этого наиболее частой причиной употребления в молодежном сленге единиц с явно выраженной отрицательной коннотацией является прагматический аспект: нужно быстро и одновременно максимально точно и емко передать смысл вербального послания, при этом избежав двусмысленности и недопонимания и оказав необходимое эмоциональное воздействие на собеседника [4, с. 770]. Отметим также, что в данном случае, помимо функции экономии времени (т.е. стремления говорящего передать как можно больше информации при минимальных затратах времени и языковых средств), реализуется несколько других функций сленга, а именно: идентификационная (в данном случае коммуникант вербально заявляет о своем социальном статусе и принадлежности к языковому коллективу молодежи), номинативная (поскольку новые наименования в сленге и в языке появляются в силу потребности говорящего назвать какое-либо явление или предмет по-новому, во избежание избитости и клише), эмоционально-оценочная (сленгизмам присуща негативная эмоционально-оценочная окраска и пейоративность значения, т.е. выражение негативной оценки (иронии, пренебрежения, неодобрения и др.) по отношению к собеседнику или его действиям) [5, с. 12].

Говоря о грамматических классах лексики, выражающей эмоции (в нашем случае – отрицательные), Л.Г. Бабенко отмечает, что эмотивные глаголы наиболее приспособлены для выражения целого спектра эмоций [1, с. 65].

В качестве примера приведем ряд глаголов и глагольных выражений современного американского сленга, которые наглядно демонстрируют негативное отношение говорящего к собеседнику. Весь иллюстративный материал был отобран методом сплошной выборки из «Англо-русского словаря сленга и ненормативной лексики» А.Ю. Кудрявцева, Г.Д. Куропаткина [6]. Примеры американского сленга были сгруппированы по общему семантическому признаку:

1. раздражение говорящего, связанное с поведением собеседника (может получить наряду с вербальным и невербальное выражение): to bitch – повторять без конца, нелестно высказываться; **to give somebody the finger/ the bird** – грязно выругать кого-либо, сделать известный жест пальцем, показать средний палец; **to flip somebody off/ out/ the bird/ the finger** – показать кому-либо неприличный жест;

2. желание совершить неправомерные (запрещенные законом) действие по отношению к другому: to cook up – сострять, устроить; **to pinch** – свистнуть, спереть, стащить; **to ass-hole somebody** – уволить кого-либо с работы; отправить кого-либо на пенсию по возрасту (особенно против воли); **to fish for a sucker** – соблазнять, искушать (обычно мужчину) с целью обмана, кражи, ограбления; **to put shit on somebody** – манипулировать человеком или обманывать его; **to give somebody a frigging** – обмануть кого-либо; **to screw somebody out of something** – выманить что-либо обманом; **to work the come-on racket** – соблазнять мужчину с целью дальнейшего шантажа;

3. намеренное оскорбление человека (часто без объяснения причин): to put down – обижать, оскорбить; **to come down on somebody** – оскорблять кого-либо; **to put somebody on** – шутить над кем-то, водить за нос, разыгрывать, ломать комедию; **to play/ shoot the dozens** – обмениваться бранными словами с упоминанием родственников оппонента; **to rank on** – оскорблять, используя бранные слова; **to shit on/ all over somebody** – плохо обходиться с кем-либо, унижать.

Подводя итог, скажем, что использование в речи сленговых единиц (в частности, глаголов с отрицательной коннотацией) способствует реализации интенции говорящего к выражению негативного отношения к собеседнику или ряду его поступков. Таким образом, к функциям, реализуемым в сленге, добавим эзотерическую (по классификации А.Н. Колесниченко) [5, с. 12], поскольку единицы американского сленга, помимо присущего членам определенной социальной группы чувства солидарности и общности интересов, нередко отражают враждебное, презрительное, неприязненное, насмешливое отношение к посторонним, «чужим», «нечленам» группы. Это противопоставление «своих» «чужим» и стремление приблизить одних и отдалиться от других находит свое отражение в представленных выше сленгизмах.

Список литературы

1. *Бабенко Л.Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск (Екатеринбург): Изд-во Уральского ун-та, 1989. – С. 65.
2. *Герасименко И.Е., Тютрина О.М.* Эмотивность как лингвистическая категория // Молодой ученый. – 2016. – №13.2. – С. 23–25. – URL: <https://moluch.ru/archive/117/32368/>.
3. *Голуб И.Б.* Русский язык и культура речи: учеб. пособие. – М.: Логос, 2002. – С. 259.
4. *Каверина Д.А.* Экспрессивность сленга американской молодежи // Молодой ученый. – 2014. – №21. – С. 770.
5. *Колесниченко А.Н.* Сленг в английском и русском языках: структурно-семантический, этимологический, функциональный и стилистический аспекты (на материале произведений Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и Д. Гуцко «Русскоговорящий»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный ун-т, 2008. – С. 12.
6. *Кудрявцев А.Ю., Куропаткин Г.Д.* Англо-русский словарь сленга и ненормативной лексики. – М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2007. – 383 с.
7. *Левикова С.И.* Молодежный сленг как своеобразный способ вербализации бытия // Бытие и язык. – Новосибирск: Наука, 2004. – № 5. – С. 167–173.
8. *Трусова И.С.* Литературный язык и нелитературные варианты национального языка: учеб. пособие по русскому языку и культуре речи для курсантов и студентов всех спец. – Владивосток: Изд-во МГУ им. адм. Г.И. Невельского, 2005. – С. 12.
9. *Шурупова М.В.* Лексическая репрезентация концепта «уничижительное отношение к женщине» в американском сленге // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2016. – №9 (51). – Ч. 4. – С. 184.

10.02.00

Е.Г. Котова, Е.А. Линева, Е.Б. Савельева

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английской филологии и переводоведения,
кафедра методики преподавания иностранных языков,
Орехово-Зуево, kotova070809@yandex.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Процесс функционирования фразовых глаголов в современном английском языке находится в соответствии с общей тенденцией его развития. Аналитический характер английского языка придает речи определённую гибкость, что находит своё выражение в возможности варьировать элементами, входящими в состав фразовых глаголов, для выражения тончайших смысловых различий. Смысловое наполнение английских фразовых глаголов, как правило, значительно шире, чем у простых глаголов и является в разной степени идиоматичным.

Ключевые слова: *фразеология, фразовый глагол, идиоматичность, послелог, смысловые оттенки.*

Фразовые глаголы являются неотъемлемой частью подсистемы сложных единиц глагольной лексики, наличие и активное функционирование которых придает английскому языку особое своеобразие и образность. Фразовые глаголы, как правило, трудны в запоминании и употреблении, поскольку между значением глагола и значениями входящих в него компонентов обычно не прослеживается явной связи. Более того, английские фразовые глаголы в большинстве случаев высоко идиоматичны, они обладают уникальной способностью менять своё значение в зависимости от контекста, что по большому счёту и отличает их от предложного глагола или свободного сочетания глагола и наречия. Максимальная степень идиоматизации большинства фразовых глаголов позволяет отнести их классу глагольных фразеологических единиц.

Что касается самого термина, то необходимо отметить, что в лингвистических исследованиях в отношении фразовых глаголов существует полная терминологическая неясность. Разные авторы в своих научных трудах используют различные термины.

Считается, что впервые определение термину «фразовый глагол» было дано британским эссеистом и критиком американского происхождения Логаном Пирсолл Смитом в работе «Words and Idioms. Studies in the English Language» («Слова и идиомы. Исследования в области английского языка», 1925). Однако, как пишет сам автор, этот термин принадлежит английскому филологу и лексикографу Генри Брэдли. В своей работе «The Making of English», изданной в 1904 году, Брэдли использует термин «compound verb» [3, с. 123]. Смит считает данный термин приемлемым для восполнения существующего на тот момент терминологического пробела и определяет фразовый (фразеологический в переводе А.С.Игнатьева) глагол как «словосочетание, состоящее из глагола и наречия или предлога, называемого также послелогом, находящееся позади, иногда довольно далеко от самого глагола» [2, с. 151].

Большинство фразовых глаголов обозначают действие или положение в пространстве. Как пишет Смит, «эти глаголы движения, соединившись с наречиями up, down, over, off и т.п.... приобрели громадное число идиоматических значений» [там же]. Так, глагол «get», например, превосходит все английские глаголы в способности выражать разные конкретные и абстрактные значения [4]. Фразеологический словарь Брюэра даже приводит шуточный

текст, в котором «вездесущий» фразовый глагол «get» употреблен двадцать семь раз в тексте, состоящем всего из нескольких предложений. Бесспорно одно, в современном английском языке фразовые глаголы стали общеупотребительными, а говорящему следует избегать их беспорядочного и бездумного употребления.

Исторические же письменные источники свидетельствуют о том, что фразовые глаголы получили своё распространение ещё в древности. Например, переводы Библии и псалмов являются богатейшим источником глагольных фразеологических единиц. С течением времени в языке накапливалось большее число комбинаций глагола с наречиями и предлогами. Порой их значения менялись до неузнаваемости. Так, наречие «out» в IX веке имело лишь одно буквальное значение «движение наружу», например, «walk out» – выйти. В XIV веке к нему добавилось новое значение – «исторгнуть звук» («cry out» – выкрикнуть). В XV веке – «прекратить существование» («burn out» – выгореть, сгореть). Веком позже появилось значение «распределить поровну» («pass out» – раздать), а в XIX «освободить от содержимого» («clean out» – вычистить). На примере этой исторической цепочки можно сделать вывод о том, что наречие и предлог являются важной частью фразового глагола. Они носят название «адвербиальный послелог». Российский и советский лингвист Игорь Евгеньевич Аничков определяет адвербиальные послелогов как особый разряд постпозитивных наречий (up, out, off и др.), состоящих из единиц, которым свойственны особые родовые признаки наречий [1, с. 12].

Фразовый глагол - это одно из самых интересных лингвистических явлений. Английский фразовый глагол обладает рядом свойств, к которым следует отнести следующие:

1) наличие семантического единства фразового глагола. Ряд фразовых глаголов обладают определёнными признаками фразеологического единства, в числе которых их полная лексическая неделимость. Если заменить послелог в составе фразового глагола или подобрать к фразовому глаголу синоним смыслового глагола, то это приведёт к разрушению образности, присущей данному фразовому глаголу или к изменению его экспрессивного смысла. Например, «get along» – иметь приятельские отношения и «get around» – путешествовать.

2) идиоматичность. В случае с фразовыми глаголами идиомой считается сочетание двух или более слов, значение которого не совпадает со значением его составляющих. Например, смысловые глаголы «to act» – действовать, паясничать, скандалить и «to grow» – расти, вырастать, образуют фразовые глаголы «to act up» – барахлить (о механизме), «grow on» – понравится, полюбить. Однако иногда фразовые глаголы могут иметь буквальные переводы и их значение можно вывести из компонентов его составляющих. Например, «to fall down» – падать, «to be off» – выйти из строя, испортиться.

3) возможность образования пассивных конструкций. Например, «this medicine must be measured out exactly» – это лекарство нужно аккуратно отмерять.

4) возможность располагать адвербиальный послелог до или после существительного, употребляемого с данным глаголом. Если дополнение выражено местоимением или если оно не несёт новой или важной информации, то оно всегда будет находиться в интерпозиции. Например, «He took his coat and put it on» – он взял пальто и надел его (дополнение выражено местоимением «it»). «Call him up!» – позвони ему (регулярная просьба, поэтому дополнение «him» располагается между глаголом и послелогом). В случае, если объект выражен несколькими словами, он будет занимать конечную позицию. Например, «He put on the coat he had bought in London» – он надел пальто, которое купил в Лондоне (в данном случае дополнение выражено существительным и подчинительным предложением).

Называя фразовые глаголы «подлинно английскими по своему характеру» [2, с. 168], и говоря о большом преимуществе английского языка над языками романской группы, Смит приводит слова Брэдли, который писал: «In its power of expressing fine distinctions of meaning by this method English vies with Greek and German. and has a great advantage over the Romanic languages, which have hardly any compound verbs at all» [3, с. 123]. («Своей способностью выражать тончайшие смысловые различия при помощи фразеологических глаголов

английский язык соперничает с древнегреческим и немецким и превосходит романские языки, почти не имеющие сложных глаголов»). Сам же Смит называет фразовые глаголы «крошечными клеточками живой речи» [2, с. 170], насыщающими наш словарный запас «полнокровной жизнью», обогащающими «наше сознание полускрытыми ассоциациями с различными мускульными ощущениями» [2, с. 168]. В этой связи стоит также упомянуть о сформировавшемся ещё в XVIII веке мнении некоторых «пуристически» настроенных грамматистов, которые считали, что фразовые глаголы «засоряют» язык. Так, английский литературный критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения Сэмюэл Джонсон выступал за чистоту языка и сохранение его индивидуальности. Разделяя его мнение, некоторые писатели стали намеренно избегать использования фразовых глаголов в своих произведениях, называя их вульгаризмами. Впоследствии, Джонсон всё-таки изменил своё мнение, обнаружив, что Шекспир, Бэкон, Мильтон не пренебрегали фразовыми глаголами, что говорит в их пользу, ибо речь, лишённая элементов идиоматики, превращается в бесцветную абстракцию, становится безликой и монотонной. Фразовые глаголы, обладая высокой продуктивностью и определенной степенью идиоматичности, придают речи необычайное разнообразие и экспрессивную эмоциональность.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что фразовые глаголы являются характерной особенностью современного английского языка и весьма продуктивным способом выражения новых понятий с помощью известных средств или их перегруппировки. Английские фразовые глаголы жизнеспособны, а диапазон их значений настолько широк, что, несомненно, предоставляет большие возможности для их дальнейшего изучения.

Список литературы

1. *Аничков И.Е.* Английские адвербиальные послелогии: дис. докт. филол. наук / И. Е. Аничков. - М., 1947 - 536 с.
2. *Смит Л.* Фразеология английского языка / Л. Смит. - Государственное учебно-педагогическое издательство. Министерство просвещения РСФСР, М., 1959 - 208 с.
3. *Bradley H.* The Making of English / H. Bradley. - New York, THE MACMILLAN COMPANY. LONDON: MACMILLAN & CO. Lmt., 1904 - 245 pp.
4. Longman Exams Dictionary. Pearson Education Limited. 2006 - 1833 pp.

10.02.05

Н.Ш. Кравцова

Российский университет Дружбы Народов,
инженерная академия,
кафедра иностранных языков,
Москва, nadyakrsh@i.ua

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Когнитивный подход в лингвистических исследованиях позволяет исследовать сущность языка и его функционирования в его многообразных связях с человеком, с его интеллектом и разумом, со всеми мыслительными и познавательными процессами. Такой подход даёт возможность исследовать публицистический дискурс как структуру определённого типа знаний.

Ключевые слова: *публицистический дискурс, картина мира, сценарий, фрейм, когнитивный подход.*

Современные когнитивные исследования языка обусловлены необходимостью разработки проблем связанных с изучением различных типов дискурса и уточнения их когнитивно-лингвистических параметров. Исследуя когнитивно-семантическую организацию лексики публицистического дискурса, нам необходимо рассмотреть дискурс во всех его структурно-семантических проявлениях. Чтобы понять и стратифицировать процесс взаимоотношения дискурса с объектами внешнего мира, необходимо понять семантическую природу дискурса. А так как дискурс представляет собой феномен экстралингвистического плана, за объяснением семантики дискурса мы обратимся к реалиям когнитивной семантики.

Когнитивная семантика понимается нами как когнитивный подход к категоризации понятий, а также к анализу организации понятийного пространства в сознании человека, где понятийные структуры рассматриваются как носители базисных знаний про мир, а лексическое значение - как когнитивная категория. Если лексическое значение - когнитивная категория, то оно (значение) должно представлять значение изучаемых единиц в виде структур, отражающих процесс категоризации в сознании человека.

Согласно поставленной перед нами задаче - исследование когнитивно - семантической организации дискурса - мы понимаем дискурс как макрознак, который обладает единым значением, представляющим собой результат конденсации семантики текста. Он создает и воссоздает единое семантическое пространство, включенное в его содержание. Т.ван Дейк отмечал, что понимаем текст только тогда, когда понимаем ситуацию, о которой идет речь, [3,9]. Поэтому ситуация является не только минимальной единицей языковой картины мира (как мы отмечали выше), но и ключевым звеном при раскрытии семантического пространства дискурса. Будучи минимальным фрагментом языковой картины мира, ситуация представляется нам как модель отраженных в сознании человека реалий окружающего мира. Для создания того или иного дискурса индивидуум извлекает ту или иную релевантную дискурсу ситуацию из набора ситуаций его языковой картины мира. Эти ситуации могут относиться к одному или нескольким функциональным стилям. Преобладание тех или иных ситуаций в дискурсе будет определять его когнитивно-стилистическую принадлежность.

Поскольку каждая ситуация приобретает концептуальное ядро и обслуживается типовым, стандартным набором языковых средств, то для выделения основных ситуаций, представляющих публицистический дискурс необходимо обратиться к концептуальному анализу понятий, лежащих в основе ситуаций, составляющих языковую картину мира публицистического стиля, что и становится основой лингво-когнитивного изучения функционирования стилей.

Концептуальный анализ непосредственно связан с термином «концепт», под которым в современной когнитивной лингвистике понимают любую оперативную единицу мышления, - понятие, образ, схема действий, гештальт, картина [34,12]. В нём видят «комплекс культурно-обусловленных представлений человека о предмете» [1,79], «целостное образование, способное пополняться, изменяться и отражать человеческий опыт, которое имеет логично организованную динамичную структуру, состоящую из исходного - базисного - элемента и связанных с ним через прототипическое значение производных элементов» [8,77], «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека...» [7,34]. Построение и исследование таких структур и есть основная цель концептуального анализа. Опыт проведения концептуального анализа в лингвистических исследованиях позволяет выделить следующие моменты его проведения: на первом этапе, как правило, рассматривается семантическая природа слова, т.е. его базисный элемент и прототипическое значение. Затем определяют инвариантные компоненты слова. Так, И.Д. Гажева, проводя концептуальный анализ слова «игра», выделяет такие его инвариантные компоненты, как тип деятельности, длительность/мгновенность (временные характеристики), назначение, выключенность из реалии/ включённость в реалию, предсказуемость/непредсказуемость хода событий [1,74]. А Е.С. Кубрякова [3,86], исследуя концептуальную структуру понятия «память», выделяет такие компоненты, как способность (инструмент), способность (действие), расположение, качество, результат. На третьем этапе происходит выделение инвариантов рассматриваемого понятия на основе выделенных инвариантных компонентов, после чего делаются определённые выводы из полученных результатов, либо строится схематизированная концептуальная структура («когнитивная карта») исследуемого понятия.

Проводя концептуальный анализ того или иного понятия, мы создаем когнитивную карту ситуации, ядром которой оно является. Концептуальный анализ даёт возможность представить, каким образом систематизируются знания о наивной картине мира. Эта систематизация, как мы видимо заключается в том, что каждая когнитивная карта в основе ситуации, определяется семантическим окружением однородных слов по принципу «родовой» схожести. При таком (когнитивном) подходе восстанавливается глубинный обобщенный репрезентант (прототип) - основное значение, которое реализуется при употреблении одной группы слов. Этот репрезентант и является ядром ситуации.

Взаимоотношения ситуации и дискурса сложны и неоднозначны. Если мы можем построить когнитивные карты понятий или репрезентантов ситуаций публицистического дискурса, то, выделив подобные когнитивным картам (по компонентам) когнитивные структуры текстов, мы сможем представить стратификацию публицистического дискурса по когнитивному принципу.

Для построения когнитивных структур текстов мы будем использовать часто применяемые в современных исследованиях фреймы. Фрейм, как «фиксированная система параметров, описывающих тот или иной объект или событие» [9], представляет собой структуру когнитивной семантики. Такая структура позволит анализировать организацию понятийного пространства в сознании человека, конструируя структуры базисных концептов картины окружающего нас мира. Принцип применения фреймов в семантическом анализе не нов: фреймам предшествовали семантические поля, с помощью которых проводилась категоризация лексических единиц в лингвистическом пространстве. В отличие от семантических полей, которые, на наш взгляд, служили для «плоскостной» (отсюда поле, которое ассоциируется с плоскостью) категоризации лексических единиц, фреймы представляют пространственную семантическую организацию понятий. Фрейм может быть представлен в виде рассмотренной выше когнитивной категории понятия, как сценарии Т.ван Дейка, и как текстовые фреймы, необходимые нам для когнитивно-семантического исследования текстов публицистического дискурса. Построение текстовых фреймов - одна из проблем, решаемых современными учёными. Так, Г.Н. Насыров [6] считает, что в основе построения текстотипов (схематический каркас денотатов индивидуальных речевых

произведений) лежит гиперфрейм, который представляет собой многоуровневую структуру, объединяющую все виды лингвистических и нелингвистических знаний, включающий в себя когнитивный фрейм, лингвистический фрейм и прагматический фрейм.

Опираясь на ономаσιологические принципы анализа, С. А. Жаботинская [2] строит общие модели фреймов в зависимости от цели исследования. Автор выделяет следующие типы: предметноцентричный фрейм, акциональный фрейм, партонимический фрейм, гипонимический фрейм, ассоциативный фрейм.

Для аранжировки содержания текста она предлагает акциональный фрейм. Как отмечает С.А. Жаботинская, «наличие во фреймовой структуре элементов НЕКТО\НЕЧТО предполагает их развёртывание в предметноцентрический фрейм» [2, 20].

{ТАК [[(СТОЛЬКО (ТАКОГО (НЕЧТО)) СУЩЕСТВУЕТ] ТАК] ЗДЕСЬ- СЕЙЧАС]}

Выделив основные концепты и разработав их когнитивные карты, встаёт задача сопоставления когнитивных карт и текстовых фреймов исследуемых текстов чтобы показать возможность структурно-семантической стратификации публицистического дискурса, его специфику. Для сопоставления нам необходимо найти общие точки соприкосновения одной структуры с другой, некие логические операторы, которые можно было бы выделить с помощью падежей, предложенных М.Филмором [9, 405-406]. Такими операторами могут быть: агенс, бенефициант, инструмент, локация, пациенс.

Проведя сопоставительный анализ полученных текстовых фреймов и когнитивных карт выделенных концептов, мы сможем представить структурно-семантическую стратификацию публицистического дискурса и его когнитивно-структурную модель в целом.

Список литературы

1. Гажева И.Д. Опыт концептуального анализа имени «игра» // Филологические науки.- М. - 2000. - №4. С.37 - 82
2. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов.// Вестник Черкасского Университета, серия: Филологические науки вып.11,Черкасы - 1999. - С. 12-24
3. Дейк ван Т.А. Кинч В. Стратегия понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс. 1988. - Вып.23: Когнитивные аспекты языка. - С.153-211.
4. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова «память»//Логический анализ языка – М.1991 – С 85-91
5. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
6. Насыров Г.Н. Когнитивные и прагматические характеристики текстов малоформатной деловой корреспонденции: Проблемы семантического описания единиц языка речи. Минск - 1998.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.:АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314с.
8. Рудакова В.М. Судейский дискурс как разновидность авторитарного дискурса. // Функциональная лингвистика.: Материалы конференции. - Ялта: Изд-во «КрымФармТрейддинг». - 2001. - С.227-229.
9. Филмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. - М., 1981.
10. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. -М.:Наука. - 1974. - 255с.

10.02.00

Н.А. Ласынова, Х.Б. Нурғалина

Сибайский институт (филиал) Башкирского государственного университета,
кафедра башкирской и русской филологии,
кафедра иностранных языков,
Сибай, nalasinova@mail.ru, halidanurgalina@mail.ru

СПЕЦИФИКА ОРОНИМОВ АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В статье представлен анализ случаев оронимов антропонимического происхождения, а также сфера употребления данных лексических единиц. Авторами рассматриваются способы образования антропонимических оронимов и характерные особенности, определяющие национальную самобытность, условия жизни народа.

Ключевые слова: *оронимия, антропоним, происхождение, топоним, значение, особенность.*

Выбор топонимов в качестве объекта исследования связан с тем, что эти лексические единицы обладают своеобразной, специфической семантикой, в которой отражается диалектическое единство инвариантного значения и актуализируемых дискурсивных смыслов. Функционируя как единицы языковой системы, топонимы идентифицируют и индивидуализируют объект, реализуя инвариантное значение. В то же время, топоним способен накапливать и сохранять комплекс сведений о человеческой деятельности, которые закрепляются в его внутренней форме, коннотативной семантике или тезаурусной информации [6, с.113].

Статистический анализ башкирской топонимии показывает, что самый большой удельный вес антропотопонимов приходится на микротопонимию (34%) и оронимию (28,3%). Антропонимы больше всего представлены в названиях таких объектов, которые обозначают принадлежность какому-либо лицу [5, с.135].

Довольно большая часть оронимов Башкортостана образована от антропонимов. В формировании таких оронимов нередко основную роль играл человек, который каким-то образом был связан с объектом, носящим данное название [3, с.110].

Большая часть топонимов антропонимического происхождения при своем возникновении указывала на географические объекты, владельцами которых были коренные жители данной территории [4, с.100]. А система именования лиц на этой территории показывает, что именование коренных жителей по фамилии не практиковалось как невыразительное, поскольку порой больше половины жителей деревни были носителями одной фамилии. Следовательно, в антропонимической топонимии закономерно нашла отражение самая ходовая часть антропонимов данной территории, то есть личные имена: *Илембэт, Мортаза* (гора, поле в Зилаирском р-не), *Фәйез, Ямангол, Мырзагол* (гора, поле, подъем в Абзелиловском р-не), *Аллагол, Базаргол* (гора, сенокос в Баймакском р-не), *Коттобай, Туктамыш* (гора, скала в Учалинском р-не), *Буранбай, Туғызбай* (гора, сенокос в Бурзянском р-не), *Коланбай* (гора в Хайбуллинском р-не) и т.д.

Оронимы, образованные от имен людей, имеют поссесивное значение. Они указывают на владельца-собственника или чаще арендатора. Такие оронимы часто связаны с орографическими терминами *таш* (камень), *ялан* (поле), *тау* (гора), *сабын* (сенокос), *узак* (ложбина), *туң* (бугорок), *туши* (склон горы), *түбә* (вершина), *төбәк, бакса* (сад), *һаз* (болото), *кыуак* (кустарник), *ер* (земля, место), *туғай* (луг), *юл* (дорога), *мамерйә* (пещера), *сокор* (яма), *басыу* (поле, пашня), *морон* (мыс), *утар* (хутор), *кая* (скала) и др. Эти термины обозначают понятие места, они имеют аффикс принадлежности и выполняют роль определяемого. Например: *Ибраһим ташы* (букв. камень Ибрагима), *Максим түбәһе* (холм

Максима), *Муса яланы* (поле Мусы), *Мазһар зыяраты* (кладбище Мазгара), *Әзехәм сабыны* (сенокос Адигама), *Юлгилде тауы* (гора Юлгилды), *Инсебикә каяһы* (скала Инсебики), *Ишбирзе үзәге* (холм Ишберды), *Гөлбикә йырыны* (овраг Гульбики), *Ғәбит утары* (хутор Габита), *Зарифа түңе* (бугорок Зарифы), *Банат мороно*, *Уйылдан баһыуы* (поле Уйылдана), *Азнабай сокоро* (яма Азнабая), *Колдәүләт мәмерйәһе* (пещера Колдавлета), *Канифә юлы* (дорога Ханифы), *Ишембәт тугайы* (луг Ишембета), *Әмирхан ере* (земля Амирхана), *Нигәмәт һазы* (болото Нигамата), *Изрис таһы* (камень Идриса) [1, с.76].

Некоторые оронимы сформированы от названий близлежащих одноименных населенных пунктов. Это можно выразить следующей схемой: антропоним → ойконим → ороним: кантон Сибаяев – Сибай (город) – *Сибай биләне*; сотник Хасан Байназаров Бишев – Хасан (деревня в Баймакском р-не) – *Хәсән биләне*; Аскар Арсланов, Сатыбалды Аскар – Аскар (село, центр Абзелиловского р-на) – *Аскар тауы*; Абдрахманов – Абдрахман (деревня в Баймакском р-не) – *Әптерәхмән үзәге*; Кусиев – Кусей (деревня в Баймакском р-не) – *Күсей үре* и *Күсей кыры* [2, с.103].

К оронимам антропонимического происхождения относятся также слова, образованные от прозвищ и сокращенных имен того или иного лица: *Заһрай таһы* (*Заһретдин*, *Заһри*), *Вара сабыны* (*Хәйривара*), *Нәби баксаһы* (*Нәбиулла*), *Баһау яланы* (*Баһауетдин*), *Ырыс сабыны* (*Ырысқол*), *Шәмсей тауы* (*Шәмсиә*), *Аблаһ тауы* (прозвище), *Ишбир үзәге* (*Ишбирзе*), *Фәхрей үзәге* (*Фәхри*), *Мырзакай тугайы* (уменьш.-ласк.), *Әүбәкир үзәге* (*Әвүбәкир*), *Сәмсәй һазы* (*Шәмсиә*), *Ғөбәйт баһыуы* (*Ғөбәйзулла*), *Үмәр түбәһе* (*Ғүмәр*), *Мәрзей кыуағы* (*Мәрзиә*), *Ғәләй төбәге* (*Ғәли*) и т.д.

В оронимах антропонимического происхождения участвуют и фамилии. Например, в Баймакском районе имеется поле, которое носит название *Федоров яланы* (поле Федорова), так как когда-то это поле было арендовано неким Федоровым. *Босқон үзәге* (центр Боскона) в Абзелиловском районе связано с фамилией Босконов. В этой ложбине погиб человек по фамилии Босконов. Такого же характера толкования имеют оронимы *Гагарин ере* (земля Гагарина) и *Гагарин тауы* (гора Гагарина) в Баймакском районе. *Гагарин ере* – целинная земля, которую вспахал механизатор по прозвищу Гагарин. *Гагарин тауы* – гора, где произошел несчастный случай. Попасть в аварию по-башкирски “осоу”; глагол *осоу* имеет значение “лететь, летать”. В связи с этим название связано с фамилией первого космонавта.

Оронимы *Ғәйетқолхәзрәт зыяраты*, *Әхмәй карагояһы*, *Кәзриәбей һазы*, *Хәнифәбей төпкөлө* выражают титул, родство и личное имя.

Вместе с антропонимами участвуют глаголы *осқан*, *үлгән*, *касқан*, связанные с тем или иным случаем, явлением или процессом. Например: *Йәмиләгасқан тугайы*, *Сирайосқан*, *Мәзиноскан*, *Исламосқан тауы*, *Сәгитосқан тауы*, *Барсыносқантау*, *Петькүлгән* и т.д.

В составе оронимов от антропонимического происхождения в основном участвуют мужские личные имена, хотя изредка встречаются и женские имена.

Таким образом, изучение топонимических единиц отдельного региона продолжает оставаться одной из важнейших задач отечественного языкознания. В топонимии мы находим отражение антропонимической системы говоров определенной территории [7, с.1147]. Топоним несет в себе характер национальной самобытности, в нем, помимо исторических, территориальных и природно-географических особенностей условий жизни народа, отражается и такая характеристика нации, как психический склад, запечатленный в традициях, обычаях, фольклоре [8, с. 85].

Список литературы

1. Ласынова Н.А. Оронимия юго-восточного Башкортостана (лингвистический анализ) : дисс. на соиск. уч. степени к.ф.н. –Уфа, 2004. –102 с.
2. Ласынова Н.А. Башкирские оронимы, мотивированные цветовой характеристикой орообъектов. – Уфа: Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. №2. –С. 103.
3. Ласынова Н.А., Сулейманова Л.Р. Структурно-словообразовательная типология

- башкирских оронимов. Башкирские оронимы, мотивированные цветовой характеристикой орообъектов. –Челябинск: Вестник Челябинского государственного университета. 2016. №1 (383).–С. 109-116.
4. *Ласынова Н.А., Нурғалина Х.Б.* Особенности славянского (русского) пласта в башкирской оронимии. –Казань:Казанская наука. 2017. №11.–С. 99-101.
5. *Нурғалина Х.Б.* Эмоциональная насыщенность фразеологизмов с распространяемыми компонентами. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-2 (57). –С. 118-120.
6. *Нурғалина Х.Б., Алдырханова-Каримова А.Р.* Магическая сила слова.–Казань: Казанская наука. 2015. №6.–С. 112-114.
7. *Юсупова Л.Г., Нурғалина Х.Б.* Эмоциональный концепт «страх» / «куркыу» в английской и башкирской языковых культурах. –Уфа: Вестник Башкирского государственного университета.2017.-С.1147-1150.
8. *Шакуров Р.З.* По следам географических названий. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1986. – 184 с.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTSФ.Х. Завгарова, А.Д. Батталова, З.М. Брусско
ОБРЯД СВАТОВСТВА ЗАКАЗАНСКИХ ТАТАР КАК СИНТЕЗ
ЯЗЫЧЕСКИХ И ИСЛАМСКИХ ТРАДИЦИИ

Ключевые слова: Обряд, сватовство, татары, молитва, ритуал, правила.

В данной статье авторы, изучая традицию сватовства у заказанских татар, приходят к следующему выводу: обряд сватовства у заказанских татар, состоит из предписаний и правил, связанных как с языческим мирозрением тюрко – татар и канонами шариата. На протяжении нескольких столетий все это синтезировалось и на сегодняшний день представляется как традиционный обряд, предшествующий бракосочетанию

Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова
КОРЕЙСКИЙ СВОД «ТОНГУК МУНХЁН БИГО» В КНИЖ-
НЫХ СОБРАНИЯХ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ
КЛАССИЧЕСКИХ ЭНЦИКЛОПЕДИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ключевые слова: корейская литература, история культуры, энциклопедии, Хон Пон Хан, Ма Дуань-линь, Вэньсянь тункао, Тонгук мунхён биго.

В статье охарактеризован уникальный памятник корейской литературы – энциклопедия “Dongook Moonhun Bigo”, впервые опубликованная в 1770 году. В библиотеках России хранятся два комплекта этой энциклопедии, которые были описаны, но не включались в научный оборот. Корейская энциклопедия была построена по китайскому образцу, то есть представляла собой тематически и хронологически упорядоченную коллекцию текстов из разных документальных и литературных источников. Составлена она была на литературном китайском языке ханмун, но описывала корейские реалии. Оцифровка этого и подобных памятников открывает новые перспективы изучения всех сторон жизни старой корейской культуры, в том числе и литературы.

Л.А. Нигматуллина, Л.Н. Коновалова
ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК
БАЗОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ВНЕДРЕНИЯ
ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЧИТАТЕЛЬСКИХ
КОНФЕРЕНЦИЙ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Ключевые слова: коммуникативная культура, характеристика личности, специалист, профессиональная подготовка.

В работе представлены результаты проектной деятельности и читательских конференций, внедренных в учебный процесс. Сочинения, отзывы, рефераты, написанные по итогам читательских конференций, отражают реальное положение формирования коммуникативных компетенций, и открывает возможности творчества будущих специалистов.

И.С. Разина
АЛЛЮЗИЯ КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ
РОМАНА Д.У. ДЖОНС «МОЯ ТЕТУШКА – ВЕДЬМА»

Ключевые слова: детская литература, литературная аллюзия, литературные связи, традиция.

В статье рассматривается аллюзивный пласт романа британской писательницы Дианы Уинн Джонс «Моя тетушка – ведьма». Отсылки к мифологическим, фольклорным источникам и произведениям классической английской литературы формируют аксиологический и образовательный потенциал ее текста для детей и юношества.

О.Г. Шенна
ЛЕЙТМОТИВ «ПОЛЕТ К СОЛНЦУ» КАК СМЫСЛОВАЯ
СОСТАВЛЯЮЩАЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА
«ПОЛЕТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА ХХ В.

Ключевые слова: художественный концепт, лейтмотив, миф о Дедале и Икаре.

В статье рассматривается одно из смысловых проявлений художественного концепта «полет» – лейтмотив «полет к солнцу», представленный в произведениях В.Я. Брюсова, Г.В. Иванова, М.А. Кузмина и сюжетно связанный с

F.Kh. Zavgarova, A.D. Battalova, Z.M. Brusko
MATCHMAKING CEREMONY OF KAZAN ARTY TATARS
AS SYNTHESIS OF PAGAN AND ISLAMIC TRADITIONS

Keywords: Ceremony, matchmaking, Tatars, prayer, ritual, rules. In this article authors, studying tradition of matchmaking of Tatars who live at the left bank of the Volga (Kazan arty Tatars), come to the following conclusion: the matchmaking ceremony of Kazan arty Tatars, consists of instructions and rules, connected as with a pagan world outlook of the Turk-Tatars and Shariat canons. Over several centuries this was synthesized and today it is represented as the traditional ceremony preceding a wedding.

D.E. Martynov, Yu.A. Martynova
KOREAN ENCYCLOPEDIA COLLECTION “DONGOOK
MOONHUN BIGO” IN RUSSIAN LIBRARIES AND
PROSPECTS OF STUDYING CLASSICAL
ENCYCLOPEDIAS OF THE FAR EAST

Keywords: Korean Literature, Cultural History, Encyclopedias, Hong Pong Han, Ma Duanlin, Wenxian Tongkao, Dongook Moonhun Bigo.

In this article describes a unique monument of Korean literature – the encyclopedia “Dongook Moonhun Bigo”, first published in 1770. In the libraries of Russian Federation, there are two sets of this encyclopedia that have been described in historiography, but not included in the scientific circulation. The Korean encyclopedia was composed on the Chinese model, that is, it was a thematically and chronologically ordered collection of texts from different documentary and literary sources. It was compiled in literary Ancient Chinese Hanmun, but described Korean realities. Digitization of this and similar monuments opens new prospects for studying all aspects of the life of the old Korean culture, including literature.

L.A. Nigmatullina, L.N. Konovalova
FORMATION OF A COMMUNICATIVE CULTURE AS A
BASIC COMPETENCE OF THE MEANS OF
IMPLEMENTATION PROJECT ACTIVITIES AND READING
CONFERENCES INTO THE EDUCATIONAL PROCESS

Keywords: communicative culture, personality characteristics, specialist, vocational training.

The article presents the results of the project activities and the reading conferences that are implemented in the educational process. Works, reviews, abstracts, written following the results of reading conferences, reflect the real situation of the formation of communicative competencies and opens up opportunities for creativity of future specialists.

I.S. Razina
ALLUSION AS THE PLOT-DRIVING DEVICE IN DIANA
WYNNE JONES’ “BLACK MARIA”

Keywords: children’s literature, literary allusion, literary connections, tradition.

This article is dedicated to intertextual references in the novel “Black Maria” by a British writer Diana Wynne Jones. Allusions to mythological and folklore sources, as well as English classics, are responsible for both the educational and the value potential of Jones’ work for children and young adults.

O.G. Sheina
A RECURRENT THEME ‘FLYING TO THE SUN’ AS A
NOTIONAL ASPECT OF A CONCEPT ‘FLYING’ IN THE
RUSSIAN LITERATURE OF THE BEGINNING OF THE 20TH
CENTURY

Keywords: concept, recurrent theme, myth about Daedalus and Icarus.

The notional aspect of concept ‘flying’ is considered in the article. This is a recurrent theme ‘flying to the sun’, representing in the poems by V. Brusov, G. Ivanov, M. Kuzmin and connecting

древнегреческим мифом о Дедале и Икаре. Проанализированы особенности репрезентации лейтмотива в текстах каждого автора, а также выявлены общие черты его бытования в русской литературе начала XX в.

Ф.Х. Завгарова, Г.К. Мансурова
КУЛЬТУРНЫЙ КОД ИМЭН (ДУБ) (НА МАТЕРИАЛЕ
ТАТАРСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ)

Ключевые слова: имэн (дуб), культурный код, функция, фольклорный текст, идентификация.

Статья посвящена комплексному анализу татарского культурного кода ИМЭН (ДУБ). В работе описываются функции кода. В ходе исследования проанализированы корпусы пословиц, поговорок, поверий, а также полевые материалы авторов. В результате получено функциональное поле культурного кода ИМЭН (ДУБ). Комплексный анализ дендрологического культурного кода ИМЭН (ДУБ) в татарской филологической науке проводится впервые.

А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова
К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ
СЛЕНГИЗМОВ С ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ

Ключевые слова: американский сленг, молодежный язык, отрицательная коннотация, глагол, функции сленга.

В статье рассматривается лингвистическое явление сленга в точки зрения выражения в нем отрицательного отношения к собеседнику или его поступкам. Авторы акцентируют внимание на американском молодежном сленге, поскольку именно молодежи свойственен своего рода юношеский максимализм в оценках и номинациях. Все проанализированные примеры были классифицированы на три отдельные группы (согласно значению). В качестве основного вывода авторы отмечают явную выраженность в единицах сленга негативного, насмешливого отношения к «нечлену» своей социальной группы, что способствует сближению «своих» и отдалению «чужих».

Е.Г. Котова, Е.А. Линева, Е.Б. Савельева
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: фразеология, фразовый глагол, идиоматичность, послелог, смысловые оттенки.

Процесс функционирования фразовых глаголов в современном английском языке находится в соответствии с общей тенденцией его развития. Аналитический характер английского языка придает речи определённую гибкость, что находит своё выражение в возможности варьировать элементами, входящими в состав фразовых глаголов, для выражения тончайших смысловых различий. Смысловое наполнение английских фразовых глаголов, как правило, значительно шире, чем у простых глаголов и является в разной степени идиоматичным.

Н.Ш. Кравцова
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА

Ключевые слова: публицистический дискурс, картина мира, сценарий, фрейм, когнитивный подход.

Когнитивный подход в лингвистических исследованиях позволяет исследовать сущность языка и его функционирования в его многообразных связях с человеком, с его интеллектом и разумом, со всеми мыслительными и познавательными процессами. Такой подход даёт возможность исследовать публицистический дискурс как структуру определённого типа знаний.

Н.А. Ласынова, Х.Б. Нурғалина
СПЕЦИФИКА ОРОНИМОВ АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Ключевые слова: оронимия, антропоним, происхождение, топоним, значение, особенность.

В статье представлен анализ случаев оронимов антропонимического происхождения, а также сфера употребления данных лексических единиц. Авторами рассматриваются способы образования антропонимических оронимов и характерные особенности, определяющие национальную самобытность, условия жизни народа.

with ancient Greek myth about Daedalus and Icarus. The paper is devoted to the main features of recurrent theme, which represent in the poems by every author and in the Russian literature of the beginning of the 20 century.

F.Kh. Zavgarova, G.K. Mansurova
CULTURAL CODE IMEN (OAK)
(ON MATERIAL OF THE TATAR FOLKLORE TEXTS)

Keywords: imen (oak), cultural code, function, folklore text, identification.

Article is devoted to the complex analysis of the Tatar cultural code IMEN (OAK). In the work there are described functions of a cultural code. During the research corpus of the Tatar proverbs, sayings, signs, the system of beliefs revealed in folklore and ethnographic expeditions are analysed. As a result the functional field of the cultural code IMEN is received. The similar multidimensional complex analysis of a dendrology cultural code in the Tatar philological science is carried out for the first time.

A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova
SLANGISMS WITH NEGATIVE CONNOTATIONS: ON THE
NOTION OF CLASSIFICATION

Keywords: American slang, youth language, negative connotation, verb, slang functions.

The article deals with the linguistic notion of slang from the viewpoint of a negative attitude toward an interlocutor or his/her actions, expressed in slang. The authors focus attention on American youth slang, as mainly young people are radical in their opinions and name-calling. All the examples were classified into three separate groups, according to their meaning. The authors conclude that slang units have a brightly expressed negative and sarcastic attitude toward the "non-member" of a social group, which promotes the development of closer ties with "members" and alienation with "non-members."

E.G. Kotova, E.A. Lineva, E.B. Saveleva
STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF
PHRASAL VERBS IN THE ENGLISH LANGUAGE

Keywords: phraseology, phrasal verb, idiomatic character, postposition, shades of meaning.

The process of functioning of phrasal verbs in modern English is in the line with the General trend of its development. The analytical character of the English language gives the speech a certain flexibility, which finds its expression in the ability to vary the elements that are a part of phrasal verbs, for the expression of subtle semantic differences. The meaning of English phrasal verbs, as a rule, much wider, than simple verbs, and is idiomatic.

N.Sh. Kravcova
COGNITIVE ASPECT OF PUBLICISTIC DISCOURSE

Keywords: publicistic discourse, concept, scenario, frame, cognitive approach.

The cognitive approach in linguistic research allows us to investigate the essence of language and process of its functioning in diverse relations with person, with his intelligence and mind, with all mental and cognitive processes. This approach makes it possible to explore publicistic discourse as a structure of a certain type of knowledge.

N.A. Lasynova, Kh.B. Nurgalina
THE PARTICULARITY OF ANTHROPONYMIC ORONYMS

Keywords: oronym, anthroponym, origin, toponym, meaning, feature.

The article presents the analysis of the cases of oronyms of anthroponymic origin. It deals with the sphere of these lexical units' usage. The authors consider the ways of formation of anthroponymic oronyms and the characteristic features of them defining the national identity, the living conditions of the people.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Казанская наука» и ООО «Казанский Издательский Дом» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№1 2018

www.kazanscience.ru

Лицензия ПИ № ФС77-59615

Подписано в печать 07.02.2018 Формат 60 x 84 1/8. Печать цифровая.

3,0 усл.печ.л. 3,4 уч.изд.л. Тираж 900 экз. Заказ 1765.

Учредитель: ООО «Казанская наука»:

420021, г. Казань, ул. З.Султана, д.17а.

Адрес издательства, типографии – ООО «Казанский Издательский Дом»:

420102, г. Казань, ул.2-ая Юго-Западная, 3

Цена - договорная

© Казанский Издательский Дом

тел.(843) 290-60-15

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Казанский Издательский Дом»